Пепел Асгарда

Автор:
Ник Перумов

Пепел Асгарда

Ник Перумов

Миры УпорядоченногоГибель богов – 2 #3

Долгие века древний бог Один, владыка Асгарда, был одинок. Все его сородичи, асы и асиньи, пали в Боргильдовой битве. Лишь множество лет спустя единственная уцелевшая из его дочерей, валькирия Райна, смогла встретиться с ним. Но мир изменился, и в нём нет больше места Старым Богам, прямодушным и суровым. Однако Один отказывается покоряться судьбе. Задумав небывалое – отнять у самой Смерти доставшуюся ей добычу, – он вместе с Райной отправляется в опаснейшее путешествие. И на знамёнах его начертано: «Пусть погибнет мир, но восторжествует справедливость!»

Ник Перумов

Пепел Асгарда

© Перумов Н., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для

частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Пролог

Валькирия

Митгард.

Незадолго до Боргильдовой битвы.

Восточный Хьёрвард, фиорды на Море Ярлов.

Боги О?дин и Локи.

– Смотри, Локи, там, кажется, какое-то празднество.

– Угу. Пиво наверняка свежее…

– Х-ха. Пиво. Как там сказано у скальдов?

Меньше от пива

пользы бывает,

чем думают многие;

чем больше ты пьёшь,

тем меньше покорен

твой разум тебе[1 - «Старшая Эдда», «Речи Высокого», строфа 12. Перевод с древнеисландского А. Корсуна под редакцией М. Стеблин-Каменского.].

– У скальдов! Великий О?дин, Отец Богов, скромничает. Не пристало могучему Асу скрывать, что эта виса – его собственная. Не Браги, а твоя, мой названый старший брат.

– Ну, может, и моя, коль уж ты так настаиваешь. Но я не гонюсь за славой, хитроумный наш Локи.

– «Не гонюсь за славой» – сказал кто?! Ой, держите меня, сейчас лопну от смеха.

– Скорее уж Тор поймает тебя, и тогда уж ты точно лопнешь, если только он прознает про твои шашни с его женой, Сиф.

– Не виноват я! – почти искренне возмутился бог огня. – Она сама меня соблазнила! Сама ко мне пришла! Мол, Тор пренебрегает ею, общество его молота, видать, ему желанней, чем её ласки, вечно пропадает он где-то на востоке, и постель бедняжки Сиф холодна!

– И ты, конечно же, поспешил на помощь страдалице. Ох, Локи, острословец ты наш, думаешь, что всегда найдёшь, чем отпереться. Впрочем, смотри – там, похоже, не просто ярмарка! Оно и верно, какие торжища по весне-то…

Локи враз посерьёзнел.

– Пиво там точно есть, правда, чую я и кое-что ещё…

Двое асов, отец богов О?дин и хитроумный бог огня Локи, по обыкновению, странствовали вдвоём, приняв обличье бедных путников. Правда, с волшебным копьём Гунгнир, что не знало промаха, О?дин так и не расстался. А вот Локи и вовсе не взял с собой никакого оружия – зачем, если в его власти вся разрушительная мощь огненной стихии? Капюшон Локи откинул, ярко-рыжие волосы трепал весёлый весенний ветер. Пахло морем, распускающимися почками, поднимающейся травой; на большой дороге скрипели колёса, а от недальних фиордов поднимался щекочущий ноздри воинов запах смолы – ярлы готовили боевые драккары к скорым походам.

Такова правда жизни – сильный утверждает своё право, и слабый должен или обрести силу сам, или прислуживать сильному. Иного не дано. У зверей лишь лучшие из лучших оставляют потомство, не давая выродиться породе; и у людей право длить свой род тоже добывается одним лишь оружием. Так было, так будет. Жестоко время Древних Богов, и не знают они иного склада. Ведь иначе нельзя – болезни выкосят те роды, где не знают сурового закона жизни, их угодья отойдут иным, кто сильнее. И, сколь бы ни молили слабые о спасении, ответ им будет лишь один – стань сильнее.

– Так что ж это за празднество такое, Отец Богов? – Локи прищурился, глядя на обширную площадь, со всех сторон окружённую торговыми рядами. Перекрёсток дорог, бойкое место, однако никто пока не возвёл здесь городских стен, не наложил лапу на этот рынок и не начал собирать мыто.

Но сейчас здесь готовились явно не торговать. Большая и шумная толпа окружала высокие повозки с водружёнными на них клетками, свистела, улюлюкала, гыгыкала и вообще всячески изъявляла восторг пополам с нетерпением. Большей частью здесь собрались простые пахари, смешавшись с ремесленниками; среди них затесались и дружинники ярлов; эти отличались ростом, статью и оружием. С мечами или боевыми топорами ходили почти все мужчины, женщины – с кинжалами, но дружинник ни за что не показался бы на людях без железного шишака, кольчуги и тяжеленой двуручной секиры.

– Зверинец странствующий, что ли? – удивился бог огня.

О?дин безмолвствовал. Он уже понял, что здесь творится. Отец Богов успел заметить клетки не только со зверьми, но и с людьми.

Клетки с рабами.

Раб – не человек. Невольник, не лишившийся жизни в честном бою, выбравший позорный ошейник, недостоин Валгаллы, его ждёт тёмная пасть царства Хель. Траллсов, то есть рабов, не жалеют и не щадят. Если ты воин и тебя скрутили оглушённого – даже с голыми руками, даже связанный, бросься на пленивших и дерись вплоть до ногтей и зубов. Ты упадёшь, изрубленный, но смерть твоя окажется быстра и весела. Великий Ас, Владыка Асгарда, с почётом встретит тебя у врат Валгаллы, валькирии поднесут тебе рог с пенистым мёдом, эйнхерии примут тебя в свой круг, и начнётся новая жизнь, весёлая жизнь, прекрасная жизнь истинного мужа – битвы, охоты, пиры.

И так до самого часа Последней битвы, когда в пламени погибнет Мировое Древо, великий ясень Иггдрасиль, небесный свод обрушится на землю, а суша погрузится в бездонные воды.

Умри достойно, но не смей жить рабом! Нет ничего страшнее и безысходнее вечного прозябания в Хель. Даже если ты – дева, или жена, угодившая в руки находников, – сражайся такоже, всем, чем угодно: шпилькой для волос, фибулой-заколкой для плаща, ею можно выцарапать глаза насильнику. И тогда тебя за гранью смерти встретит ласковая богиня Фрейя, проведёт на свои луга, где живут немногие избранные ею жёны, те, кто пал с честью, кто заставил содрогнуться даже мужей.

А рабы и рабыни… эта доля для слабых телом и духом, для недостойных. Пример для всего народа фиордов, пример того, как нельзя жить; рабская участь несравненно, непредставимо хуже смерти.

Раб – не человек. И, следовательно, с ним можно сделать всё, что угодно.

Толпа окружала круглую арену, вбитые в землю потемневшие от времени – и не только! – столбы в целый обхват. Меж ними набиты внушительной толщины жерди, натянуты сети, сплетённые из канатов в руку взрослого человека.

Не требовалось особой мудрости, дабы понять, что тут затевается.

– Смотри, Отец Богов, у них тут даже драконейт!

– Смелые люди, однако, владеют сим зверинцем, – отозвался Старый Хрофт, глядя на злобную морду страшилища и клыкастую пасть. Зубы неостановимо грызли и грызли железо прутьев, с отвислых чёрных губ на пол из не ошкуренного горбыля капала зеленоватая пенящаяся слюна.

– Да, смелые, – согласился Локи. – Это ж надо – подобраться к самому гнезду, дождаться, пока мать не начнёт выгонять тех, кому никогда уже не сделаться настоящим драконом, выследить, изловить, укротить и удержать в клетке… Не каждому ётуну под силу!

О?дин молча кивнул. Он уже почти наяву видел ожидающую рабов участь – быть сожранными на арене на потеху предвкушающей кровавое зрелище толпы.

Однако ни Локи, ни сам владыка Асгарда и пальцем не пошевелили, чтобы помочь несчастным. Это людские дела. Каждый из невольников имел выбор – умереть в бою или жить презренным рабом. Кто сам отверг Валгаллу – или поля Фрейи, – того нечего жалеть и такому незачем помогать.

Потом возле арены появились зазывалы, хотя народ и так клубился вокруг, словно пчелиный рой около дупла с медовыми сотами. О?дин не прислушивался – какое ему дело?

– Ас Воронов, – Локи вдруг потянул его за плащ. – Ты хочешь идти? Я думал слегка задержаться.

– Зачем? – поморщился О?дин. Кровавые забавы людей его не прельщали, в Асгарде не случалось ничего подобного, его обитатели предпочитали охоту.

– Хочу взглянуть на тех, кому предстоит тут сразиться. Кто знает, может, и сыщется достойный, угодивший в рабы по злой судьбе?

О?дин поднял правую бровь.

– Я знаю, я знаю, – заторопился бог огня. – Каждый из них имел и до сих пор имеет выбор. Но всё-таки… я хочу глянуть.

Владыка Асгарда усмехнулся.

– Небось заприметил там какую-нибудь красотку? Ох, Локи, Локи, и зачем я только отдал за тебя замуж бедняжку Сигюн…

Против ожиданий, бог огня вдруг потупился.

– Такова уж моя природа, – развёл он руками чуть ли не виновато.

О?дин только покачал головой.

– Я не судья моему названому брату.

– До срока, – криво и бледно ухмыльнулся бог огня.

– Да, – сурово ответил О?дин. – До срока, Локи. Так изрекла вёльва, и слово её нерушимо.

– Иногда я думаю, – полушёпотом проговорил бог огня, – иногда я думаю, что случится с пророчеством, если я, скажем, погибну до срока? Если я не стану поднимать великанов Йотунхейма и Муспелля на войну против Асгарда? Что, если какое-нибудь неведомое чудище в наших с тобой странствиях, старший брат, окажется сильнее?

– Едва ли сыщется такое, что сможет одолеть нас двоих, Локи, брат мой.

– Спасибо, что по-прежнему зовёшь меня так.

– И буду звать. До самого последнего дня[2 - В классической версии «Старшей Эдды» – «Перебранка Локи» – бог огня сперва устраивает перебранку на пиру у морского великана Эгира, оскорбляя асов, затем пускается в бегство, однако асы ловят его и подвергают наказанию – превращают в волка одного из его сыновей от брака с Сигюн, тот убивает своего родного брата, другого сына Локи и Сигюн, после чего Локи связывают кишками его собственного сына, а Скади, супруга Ньёрда, вешает над связанным богом огня ядовитую змею, яд которой непрерывно капает из раскрытой пасти. Несмотря на всё это, Сигюн остаётся верна Локи и неотлучно находится с ним, держа чашу над его лицом, куда и собирается яд, и лишь когда Сигюн опорожняет сосуд, капли яда касаются лица Локи, отчего он корчится в жутких мучениях. Считалось, именно этим

объясняются землетрясения. Лишь после этого О?дин и асы узнают пророчество вёльвы, возвещающей грядущий Рагнарёк, уничтожение старого мира и гибель почти всех асов.В моей версии событий, изложенной в книгах «Боргильдова битва» и «Молодой маг Хедин», пророчество вёльвы случилось до всех и всяческих «перебранок», так что Локи и асы вынуждены жить уже со знанием того, какой конец ждёт каждого из них. – Прим. авт.]. Но что же – ты желаешь смотреть? Будь по-твоему, Локи, но не зови меня присоединиться к тебе.

– Отчего же? – пожал плечами бог огня. – Это Митгард, это люди, твои излюбленные дети, твоё творение…

О?дин лишь покачал головой.

– Пусть эта сказка – про то, как людей сотворили из ясеня и ивы[3 - «Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», строфа 17.], – останется уделом скальдов. Ты же знаешь, как всё случилось на самом деле, Локи.

– Ты дал им законы, ты одаривал и карал, О?дин, брат мой. Поэтому они – твои дети, ибо ты растил их, как строгий отец растит сыновей и дочерей.

– Ловкость твоего языка известна всему Митгарду, Локи.

– Тут не требуется никакой ловкости, – возразил бог огня. – Люди поклоняются тебе, Ас Воронов, возводят тебе храмы, возносят к тебе свои молитвы, прося заступничества и помощи. Так почему же ты отворачиваешься от их развлечений? Люди таковы, какими их сделал твой порядок, брат мой.

– В твоих словах есть истина, брат, – медленно сказал О?дин, не сводя с Локи своего единственного глаза. – Я останусь. И, клянусь своим собственным копьём, если среди рабов окажется такой, что не падёт на колени, моля о пощаде, но станет биться доблестно, я сам встречу его на пороге Валгаллы и сам поднесу ему первый рог с мёдом.

– Слова истинно великого Аса, – поклонился Локи.

О?дин лишь нахмурился и ничего не ответил.

Тем временем рабов и в самом деле вывели из тесных клеток. Было их чуть больше дюжины, грязные и исхудавшие люди, мужчины и женщины – вперемешку.

Они сбились в кучу, прижимаясь к брёвнам ограды. Мужчина с косматой бородой и в одной лишь измаранной набедренной повязке, жутко завывая, бросился на частокол, попытавшись вскарабкаться по жердинам; получил в межрёберье тупым концом копья от стражника и, хрипя, сполз вниз. На губах его проступила пена, словно у бесноватого.

– Нет, Валгалла его не ждёт, это точно, – покачал головой бог огня.

Надрывались зазывалы, звенели монеты, меняя владельцев, толпа сгущалась, напирая.

– Смотри, брат мой, – Локи слегка толкнул О?дина в бок.

Над кучкой прижимающихся друг к другу невольников, словно башня, возвышалась молодая женщина, настоящая богатырка; в жилах её наверняка можно было отыскать примесь крови ётунов. Широкие скулы, широкие же плечи, руки, бугрящиеся мускулами, высокая грудь, спутанные коротко обрезанные волосы. К ней прижималась совсем юная девушка, ростом едва достигая локтя богатырки. Силачка обнимала её одной рукой, растерянно озираясь по сторонам, словно не понимая, как очутилась здесь и что тут делает.

А потом на арене появился недодракон. Драконейт, отброс гордого драконьего племени, изгнанный из гнезда собственной матерью и угодивший в лапы поимщикам-людям. Грязно-серо-зелёная чешуя, огромный ошейник чёрного железа с шипами – острия внутрь; многих чешуй не хватает, видны следы ожогов и ударов. На лапах – толстенные браслеты от кандалов. Когти для пущего устрашения тоже окованы железом, хотя никакой нужды в том не имелось – даже у недодраконов когти острее и крепче любой человеческой стали.

Прислужник взобрался на подмостки, с натугой перевалил через верх груду ржавого оружия – копья, секиры, рогатины, несколько мечей. Толпа заголосила.

Недодракон повёл рогатой башкой, всхрапнул. Маленькие глазки наливались алым – он был голоден и зол. Слушать что-либо кроме собственного желудка он не мог, за что мать в своё время и выкинула его из гнезда.

Драконы – нежнейшие родители тем из своих детей, кто способен встать рядом с ними или превзойти их, но совершенно безжалостны к «недотыкомкам».

Невольники вопили, кто-то пробовал карабкаться по жердям ограды – стражники спихивали таких вниз. Никто даже не попытался схватиться за сброшенное на арену оружие, даже для того, чтобы дать отпор хотя бы наёмникам хозяев арены.

О?дин искоса взглянул на бога огня – тот неотрывно смотрел на богатырского сложения молодуху, губы Локи шевелились, и Старый Хрофт разобрал «ну, давай же, давай, ты же можешь!».

Но девушка лишь хлопала длинными ресницами, крепко прижимая к себе не то подругу, не то младшую сестру, – и ничего не делала.

Зрители свистели и улюлюкали. Кто-то швырнул в невольников ком грязи – собравшиеся жаждали боя, а не просто кровавого пиршества для недодракона.

– Сражайтесь! – сжав кулаки, прошипел бог огня.

– Ты не можешь вложить собственное сердце тем, кто его лишился, – сурово заметил Отец Богов. – Я поклялся тебе, что тотчас возьму в Валгаллу храбро сражавшегося, но сейчас добавлю – если хоть один из них окажется достоин моих залов, остальные отправятся к Фрейе. Не в Хель. Хотя это и не в моих правилах.

О?дин едва не добавил «и может нам дорого обойтись», но вовремя удержался. Не с богом огня говорить на подобные темы.

Глаза Локи расширились.

– У нас каждый бьётся за себя. Смерть настигнет любого, и умрёт каждый, сражаясь с ней за собственное посмертие. Храбрость и доблесть одного не

искупят трусости или низости других. В этом – высшая справедливость, Ас Воронов.

– Я знаю! – О?дин досадливо оборвал названого брата. – Но сейчас… я вижу… я чувствую…

– Ты разрешаешь мне им помочь? – почти взмолился бог огня. – Подсказать… подбодрить… самую малость?

– Да, тебе, Локи, и впрямь всегда нравились великанши. При Рагнаради мне придётся ответить и за слёзы Сигюн. Я выдал её за тебя замуж, в надежде, что её кротость и доброта улучшат твой нрав, но, как видно, ошибся.

Локи покраснел, несмотря на все свои удаль и ухарство.

– Не разрешаю! – отрезал О?дин, не обращая внимания на умоляющий взгляд бога огня. – Валгаллу себе и спасение от Хель другим кто-то из них может заслужить лишь сам.

Сын Лаувейи[4 - Великанша Лаувейя – мать бога огня Локи.] отрывисто кивнул и отвернулся.

Недодракон тем временем не торопился. Несмотря на голод, он пусть и тупой башкой, но понимал, что людям никуда не деться с тесной огороженной арены, и, наверное, хотел растянуть удовольствие. К жертвам он приближался не спеша, широкими кругами, щёлкал челюстями, тянулся скрюченными передними лапами – и отдёргивался, словно чего-то испугавшись. Клыкастая пасть при этом кривилась в подобии жуткой усмешки.

– Несчастный, – вдруг сказал Локи.

– Что-что? – не поверил своим ушам О?дин. Бог огня к сочувствию и состраданию, и тем более чудовищному недодракону, недостойному высокой чести принадлежать к волшебному драконьему племени, был никак не способен.

– Несчастный, – повторил бог огня. – Его собственная мать отреклась от него. Его отец – жесток и бессердечен, сыновья для этого горе-родителя – лишь поленья

в костре его гордыни, предмет хвастовства перед другими. А этот недодракон изгнан своим родом, лишён свободы…

О?дин усмехнулся.

– Драконы жестоки, но справедливы. Равный шанс даётся каждому.

Локи не ответил.

Драконейт тем временем подобрался совсем близко. Постоял, раскачиваясь на мощных задних лапах, один удар которых опрокинул бы повозку, доверху гружённую камнем. И – готов был поклясться О?дин – со злым торжеством поглядел вниз, на так и оставшееся валяться ржавое оружие, к которому не потянулась ни одна рука.

Губы бога огня сжались.

Богатырка, к которой всё теснее жалась её юная не то младшая сестрёнка, не то подружка, с прежней растерянностью глядела на неспешно приближающегося недодракона.

«Ну, чего же ты?! – с горечью подумал О?дин. – Ты сильна. Тебе нечего терять, а обрести можешь поистине многое. Другие невольники, эвон, падают окарачь, вопят и рыдают, кое-кто так и вовсе обмочился от страха. Ты щедро одарена силой, что же ты медлишь, чего ждёшь? Спасения нет, ему неоткуда взяться. Хозяева арены не оттащат голодного драконейта. Всемогущие боги не спустятся с огненного моста, чтобы защитить невинных, – невинные должны защищаться сами или искать защитников».

Так было, так есть, так будет.

Прижимавшаяся к богатырке девушка заглянула ей в глаза, словно что-то безмолвно спрашивая.

Та не ответила, только втянула голову в плечи и зажмурилась.

О?дин видел, как у девушки сжались кулаки. Медленно, словно продираясь сквозь болотную жижу, она шагнула навстречу недодракону, навстречу его голодному взгляду и ждущей пасти. Она не нагибалась, чтобы подобрать оружие, она просто шла.

– Безумная, – услыхал О?дин горячий шёпот Локи.

Да, скорбно подумал Отец Богов. Безумная. Она ничего не сделает драконейту, не задержит его даже и на миг. Если только, конечно, не принадлежит к роду ведьм.

Но ведьма едва ли оказалась бы в столь жалком положении. Она освободилась бы куда раньше, попросту перебив стражу и обратив во прах все и всяческие частоколы.

Нет, скорее всего, у бедняжки просто помутился рассудок. И неудивительно, смерть от клыков и когтей недодракона трудно назвать лёгкой или почётной.

Однако она шла. Прикусив нижнюю губу и сжав кулачки, шла, глядя прямо в мутные буркала драконейта.

Отец Дружин сам ощутил, как деревенеют скулы. Иные забавы у людей и в самом деле… не слишком их достойны.

Остальные рабы окарачь расползались в разные стороны, словно это могло им хоть как-то помочь. Может, уверовали, что недодракон насытится одной лишь девчонкой и «не тронет» остальных?

Наивные и злые глупцы. Никто из вас не достоин даже полей Фрейи, с неприязнью подумал Отец Богов.

Богатырка подняла голову. Подбородок у неё трясся, руки дрожали крупной дрожью.

– Хьён!

Вставшая навстречу драконейту девушка не обернулась.

Богатырка неуверенно шагнула следом. На валявшееся под ногами оружие она даже не взглянула.

Локи с шипением втянул воздух сквозь сжатые зубы.

Девушка остановилась перед драконейтом. Смешно склонила голову набок.

– Ты ведь хороший? Правда, ты ведь хороший? Просто ты голодный и тебе больно…

Драконейт попятился. В полудетском голоске крылась неведомая сила, словно сталь меча в неказистых ножнах.

Однако, подавшись было назад, недодракон быстро пришёл в себя. Голод побеждал, он гнал страшилище вперёд, не давая опомниться.

Уродливая серо-зелёная чешуйчатая башка мотнулась из стороны в сторону, челюсти клацнули.

Взмах когтистой лапы – и девушка отлетела к частоколу. Она не вскрикнула, несмотря на обагрившееся кровью плечо.

– Хьёнлун! – богатырка вскинулась, стряхивая оцепенение. Отшвырнула одного невольника, отпихнула другого, бросаясь к упавшей.

В маленьких заплывающих глазках недодракона мелькнуло нечто, похожее на интерес. Не обращая внимания на расползающихся кто куда рабов, драконейт повернулся, чешуйчатые губы растянулись в жутком подобии улыбки, обнажая клыки и бледные дёсны.

Богатырка не смотрела на чудище, она рухнула на колени прямо в пыль подле упавшей Хьёнлун.

Драконейт нависал над ними, с губ стекала тягучая слюна, отвисая до самой земли. Он, похоже, в достаточной мере насладился созерцанием беспомощных жертв и теперь уже хотел просто жрать. Пасть раскрылась, когтистые лапы

метнулись вперёд – но богатырка, извернувшись по-змеиному, обеими руками вцепилась в то, что можно было б назвать «запястьями» передних лап недодракона. Лицо её жутко перекосилось, нижняя челюсть вдруг выпятилась, вспухли бугры мускулов, она всем телом подалась вперёд, что было мочи отталкивая голодного драконейта от бездвижной Хьёнлун.

Бог О?дин своими ушами услыхал, как захрустели кости чудовища. Он своими глазами увидел, как недодракон попытался одним движением челюстей отгрызть своей противнице голову – та опередила его, боднув лбом прямо в подбородок, да с такой силой, что пасть недодракона захлопнулась с треском, словно ломался толстенный ствол дерева.

Богатырка была не просто дочерью народа ётунов, хотя в её жилах, бесспорно, текла их кровь. Она была хексой, троллквинной, ведьмой – но особой. Сейчас сила её вырвалась на поверхность, круша и ломая посягнувшего на её спутницу драконейта; резкое движение, громкий хруст, и левая лапа страшилища повисла, сломанная чуть пониже кисти. Богатырка ударила кулаком снизу вверх, под нижнюю челюсть драконейта, едва не сломав тому позвонки.

О?дин оглянулся на бога огня. Названый брат аж привстал на цыпочки, боясь упустить хоть что-то из творящегося на арене.

Однако недодракон, несмотря на повисшую лапу, не бросился наутёк, как, наверное, поступил бы любой другой зверь. В конце концов, он оставался драконом, и боевое безумие было свойственно ему не меньше, чем его полнородным собратьям.

Богатырка едва успела увернуться от клацнувших челюстей, в живот ей нацелились жуткие когти левой здоровой лапы драконейта; она отдёрнулась, затрещала ткань, бок воительницы пересело четыре кровавых росчерка.

О?дин дёрнулся, словно когти полоснули его самого. Боль ворвалась, словно разбивающий ворота таран, в глазах померкло.

Он не испытывал такого с самого мига собственного жертвоприношения.

Локи вмиг оказался рядом, но Отец Дружин уже выпрямился, со свистом втягивая воздух сквозь стиснутые зубы. Нет! Он владыка Асгарда, никто не

смеет подавать ему руки или поддерживать, он сам поддерживает всех!

Богатырка тем временем держалась, несмотря на окровавленный бок. Её прямо-таки окутывала аура силы, нечеловеческой, но и не божественной – этой просто неоткуда было взяться.

Локи быстро обернулся, перехватив взгляд названого брата. Прояснился взор и самого О?дина, он видел скрытое от других, даже от хитроумного бога огня: распростёртая на утоптанной земле девушка по имени Хьёнлун приподнялась на локте, и с её окровавленных пальцев текло незримое нечто, текло, окутывая воительницу словно плащом, соединялось с изначально дарованной силой племени ётунов, образуя нечто новое, совершенно новое.

Ведьма, подумал О?дин. Может, из тех, кого якобы собирает и учит приснопамятная Гулльвейг, объявленная чуть ли не «матерью ведьм»?

Богатырка сражалась. Магия удесятерила её мощь, иначе она не продержалась бы против драконейта и нескольких мгновений. Никакие храбрость и мужество не способны остановить размах смертоносных когтей, и одна лишь доблесть, когда у тебя никакого оружия, кроме собственных рук, плохая защита от клыков.

Магия уравнивала шансы. Она не сделала воительницу неуязвимой и непобедимой. Не дала ей мощь опрокидывать горы или выдыхать огонь, иссушая целые моря. Нет, она всего лишь билась почти на равных, и тут уже могли сказать своё слово и доблесть, и мужество.

Кулак ударил драконейту под нижнюю челюсть, и пасть громко щёлкнула, захлопываясь. Башка чудовища дёрнулась, недодракон невольно отшагнул назад, и богатырка ударила вновь, не обращая внимания на покрывающую костяшки собственную кровь. Драконейт захрипел-зарычал, когти его чертили в пыли длинные следы, однако он не мог удержаться, он отступал, не понимая, что происходит и откуда у двуногой добычи вдруг взялась этакая силища?

Удар, удар, голова драконейта мотнулась из стороны в сторону. Кулаки воительницы разбивали чешуи знаменитой драконьей брони, вминая их в плоть, и из трещин брызнула чёрная кровь. Ещё взмах, драконейт не успевает отдёрнуться – раздаётся жуткий хруст, и длинная нижняя челюсть повисает: суставы выбиты, связки и сухожилия разорваны.

Драконейту этого хватило. Он был голоден, ослеплён злобой, но жить он всё-таки хотел больше.

Собственно, это и сделало его в своё время недодраконом: истинный сын этого племени не отступил бы ни на шаг и умер бы вместе с противником.

Видя, что страшилище бежит, жалобно взвизгивая и даже не помышляя о бое, готовое колотиться о запертые ворота, дружно взвыли в восторге зрители. Теперь все подбадривали богатырку, над ареной повис неистовый рёв:

– Дави! Круши! Убивай!

Однако кто-то из хозяев этого зверинца сумел не потерять головы. В конце концов, драконейт – зверь редкий и дорогой, терять его вот просто так никто не собирался. Торопились стражники, створки со скрипом приоткрылись, и скулящий, жалобно повизгивающий недодракон, точно побитый щенок, бросился к людям.

Спасите-помогите, казалось, говорила его нелепая покалеченная морда.

Богатырка, шатаясь, остановилась посреди арены. Аура, поддерживавшаяся Хьёнлун, угасала, сама девушка, наверное, не могла удерживать её долго. Перепуганные рабы зашевелились – они остались в живых, но надолго ли? Какой ещё страх и ужас выпустят на них мучители?

И даже сейчас никто из них не потянулся за оружием.

Никто.

За исключением воительницы.

Драконейта меж тем водворяли в его клетку, к нему уже спешили знатоки-врачеватели – звезду странствующего кровавого цирка следовало спасать.

– Что ты теперь скажешь, брат? – тихо проговорил Локи. – Среди них нашлось сразу двое тех, что сражались.

– Моё слово крепко, – мрачно отозвался О?дин, переводивший взгляд с богатырки на Хьёнлун и обратно. – Никто из них не пал, все живы, и потому вместо полей Фрейи они получат свободу.

Руны разнятся

Различья рекомых

Разное рвутся решить —

пробормотал начало одной из собственных вис Отец Богов. Острие Гунгнира стремительно черкнуло раз, другой – и под ногами задрожала земля, словно в ужасе. Её слои и кости дрогнули, пласты вспучились, выталкивая вбитые людьми докучливые столбы и колья. Ограда арены с треском рухнула, вздымая клубы пыли, рабы с воплями кинулись кто куда; да и зеваки как-то все вдруг разом вспомнили, что у них полно дел в совершенно иных местах.

Пыль, крики, неразбериха, беготня. И среди этого почти что первозданного хаоса на коленях стояла окровавленная богатырка, поддерживая голову Хьёнлун.

Сила больше не стекала с пальцев девушки, глаза её закрылись и ввалились, лицо посерело.

Отец Дружин остановился рядом. Гунгнир он держал остриём к земле, не пряча.

Воительница вздрогнула, вскинула голову. Рот её приоткрылся в немом изумлении.

– В-великий… – Она поперхнулась и осеклась.

– Ты хотел проверить, узнает ли она тебя, брат? – слегка усмехнулся Локи. – Можешь быть доволен, узнала. Что дальше?

– Поднимись, достойная дева, – с должной суровостью проговорил О?дин. – Перед асами не стоит валяться в пыли или ползать на брюхе.

Хьёнлун вдруг закашлялась, тело скрутило судорогой.

– Отдала слишком много сил, – тоном знатока заметил Локи. – Брат, если ты и впрямь не хочешь заниматься её посмертием, дозволишь ли ты мне…

– Делай что должен, Локи, – нетерпеливо бросил Отец Дружин, и бог огня кивнул, даже не обидевшись.

– Как имя твоё, доблестная?

Богатырка несмело приподняла взгляд. В глазах стояли слёзы.

– Сигрун, великий Ас.

– Встать, Сигрун. Сегодня ты снискала большую славу. Встань, и идём отсюда. Кто тебе эта девушка именем Хьёнлун?

– Дочь сестры моей матери.

– Кто твой отец, богатырка?

– Йотун Хримвальди отец мне, – Сигрун опустила голову. Щёки заливала краска. – Моя мать бежала, не желая обручения с нелюбимым. Заблудилась в глухом зимнем лесу. Великан Хримвальди спас её, но… потребовал платы.

– Не раз сражался я с ётунами севера, не раз довелось мне и пировать с ними. Тебе нечего стыдиться отца своего, Сигрун. А сейчас – идём, если только мой названый брат Локи уже помог твоей двоюродной сестре.

Никем не узнанные, они покинули селение.

Пришедшая в себя Хьёнлун во все глаза глядела на расточавшего цветы красноречия Локи, а статная Сигрун так же не сводила глаз с Отца Дружин.

– Поведай мне свою историю, дочь Хримвальди.

И он взял её за руку.

Богатырка вздрогнула, беспомощно вздохнула. Из глубины, с самого дна больших глаз поднимался тёплый свет, свет, так хорошо знакомый Отцу Богов.

Так их стало четверо в дороге.

* * *

– Ты уверен, Ас Воронов? Ты уверен в ней?

– Да, Локи. Руны не лгут. Это будет истинная валькирия.

– Тебе нужна ещё одна дочь – или сама Сигрун?

– Не задавай слишком много вопросов, Локи.

– Ты заберёшь девчушку от матери?

– Сказал верный муж и заботливый отец.

– Ну-у, так нечестно, нечестно! – запротестовал бог огня. – В конце концов, это именно мне положено соблазнять чужих жён, наставлять рога мужьям и прочее!

– Очень удобно, не правда ли? – усмехнулся О?дин. – Нет, Локи, повторю тебе снова: руны не лгут. У Сигрун будет дочка, и она станет великой валькирией. Её мать пошла безоружной на драконейта, этот дух передастся и дочери. А что насчёт тебя?

– Насчёт меня? – Локи отвёл глаза. – Мне тоже понравилась Сигрун, но я видел, как она смотрит на тебя, старший брат. И… я отошёл в сторону.

– К Хьёнлун? – поднял бровь Отец Дружин.

– Не пропадать же добру? – Бог огня пожал плечами. – Но становиться отцом я не собираюсь, не беспокойся. С меня хватит Хель, Фенрира и Йормунгад. Не считая сыновей Сигюн.

– У женщин могут иметься их собственные мнения на этот счёт, – заметил О?дин.

Бог огня лишь беззаботно отмахнулся.

– Ты уже придумал ей имя? – сменил он тему.

– Конечно. Рандгрид, Разбивающая Щиты. Это хорошее имя для валькирии.

– Что скажет сама Сигрун?

– Валькирии – дочери О?дина. Матери не имеют над ними власти, – сурово отрезал Отец Богов.

Локи лишь покачал головой.

Много лет спустя, когда пали Молодые Боги, уступив власть над Упорядоченным названым братьям Хедину и Ракоту, бывшим Истинным Магам, когда отгремело сражение в Эвиале и сам Спаситель отступил от обречённого, казалось бы, мира, когда всё как будто бы вернулось на круги своя, О?дин, Старый Хрофт, Отец Дружин встретил Рандгрид, единственную уцелевшую после Боргильдовой битвы валькирию. Бессчётные века она скрывалась, служа наёмницей, воительницей, почти забыв своё истинное имя. Её знали как Райну – во множестве мест и миров.

Глава I

Древняя сталь

Дремучая чаща вокруг, девственный лес, где, казалось, никогда не бывало не то что человека, но даже и зверя. Но подними взгляд – и ты поймёшь, что оказался в круглой скалистой котловине. За спинами путников остался длинный жёлоб узкого ущелья, а ещё дальше – горы, дикие горы Восточного Хьёрварда, вонзившие прямо в небо острые пики белоснежных вершин.

Очень, очень давно, «когда мир был юн», эти места звались Ётунхеймом. Вернее, были частью его, простиравшегося не на один лишь континент.

Два всадника застыли на узкой тропе, среди лесной тишины. Даже птицы не осмеливались подать здесь голос.

Один из скакунов, дивный восьминогий жеребец, кому надоело безмолвие, вскинул точёную голову, заржал.

– Ничего, – мощная рука наездника опустилась, похлопав Слейпнира по шее. – Скоро и домой… Наш путь закончен. Это здесь, Райна.

– Да, отец, – валькирия склонила голову.

– Так-то лучше, – Старый Хрофт, он же Игг, он же О?дин – усмехнулся в густые усы. – Хотя «повелитель», конечно, тоже правильно.

– Значит, Фазольт и Фафнер жили здесь, по… отец?

Старый Хрофт спешился, кивнул.

– Здесь. И сюда они вернулись, закончив строительство Асгарда.

– Не осталось никаких следов…

О?дин вновь кивнул, не без угрюмости.

– Лес безжалостен, Райна. Кстати, тебе идёт это имя, моя Рандгрид, Разбивающая Щиты.

Валькирия Райна вздрогнула, из горла вырвался всхлип.

– Ты правильно сделала, назвавшись Райной. Ни к чему было победившим на Боргильдовом поле знать, что одна из Тринадцати осталась в живых.

– Я стала наёмницей, великий отец. – Валькирия опустилась на одно колено, низко склонив голову. – Я продавала своё искусство. Искусство войны. Я служила – и ждала. Но я не… я поверила в твою смерть, отец.

– Мудрено было не поверить, – усмехнулся Хрофт. Рука его, по обыкновению, скользнула к месту у пояса, где полагалось пребывать рукояти меча, но нашла лишь пустоту.

– Прости… повелитель, – выдохнула Райна.

– Ты повторила это в который раз, дочь моя? – нахмурился О?дин. – Я давно простил. Никакой меч не сравнится с Гунгниром. Меч – он, конечно, меч, но после сломанного на Боргильдовом поле моего копья…

– Я помню, отец. Я видела это.

– Ямерт. Ямерт его и сломал. Ловок был, силён, что и говорить… поймал мой Гунгнир и сломал древко, голыми руками… обломки швырнул себе под ноги и раздробил…

Наступило молчание. Молчали древние ели, молчал камень скалистых склонов; Ётунхейм опустел, но обид не забыл. И ничего не простил. Где теперь те гиганты, ётуны, великаны, с которыми бился рыжебородый бог грома, пока не случилась Боргильдова битва?

Ничего не осталось. Рухнули крыши, коньки и балки, сгнили стены, сложенные из казавшихся вечными огромных стволов.

– Перед тем последним сражением ётуны разделились, – О?дин невидящим взглядом смотрел в пространство. – Иные примкнули к Ямерту и его присным. Другие, несмотря на распри, – к нам…

Райна кивнула.

– Я помню, отец. Они сражались доблестно и… перебили друг друга.

Старых Хрофт вновь кивнул, единственный глаз сощурился.

– Те времена не вернуть, дочь моя. Нет смысла в сожалениях, оставим их иным, тем, кто младше нас. Я не удивлён, кстати, что ты не разыскивала меня – мы жили лишь милостью победителей, и я не чувствовал твоих шагов под этим небом так же, как и ты не чувствовала моих. А теперь – помоги мне.

Райна – в обычном облачении странствующей воительницы, простой кольчужный доспех, круглый щит, ничем не примечательный меч – вскочила на ноги.

– Приказывай, повелитель.

В глазах О?дина вспыхнули золотые искорки.

– Никогда не уходи с пепелища насовсем, – вдруг сказал он. – Я ушёл от руин Асгарда, потому что… каждый миг видел всё прежним. И знать, что пали все, а ты жив лишь благоволением врага, лишь жалостью Ялини… лучше б она прикончила меня собственными руками.

В небе над Хьёрвардом плыли тучи, вечные и неизменные. Тихонько шумел древний лес, похоронивший под собой остатки дома, что возвели себе два брата-ётуна, ещё до того, как в их мир явились незваные гости.

Валькирия ждала, а Старый Хрофт, осторожно гладя по шее замершего Слейпнира, такого же бессмертного, как и его хозяин, невидящими глазами глядел вверх, в серое небо.

– Я пришла бы к тебе раньше, отец. Если бы знала. И если бы…

– Если бы не стыдилась того, что выжила? – тяжело взглянул Старый Хрофт. Райна совсем сникла. – Дочь моя, мы странствуем уже немало времени. Мы были в Западном Хьёрварде, в Галене Белопенном, мы стояли на кручах Эльфрана, где время словно остановилось; мы видели моё тамошнее обиталище; мы шли сквозь Упорядоченное плечом к плечу, как и полагается встретившимся после долгой разлуки; отчего же ты плачешь сейчас, Рандгрид?

Райна всхлипнула. Чуть слышно звякнули колечки тщательно пригнанной и смазанной кольчуги.

– Ты слишком долго скиталась, дочь. Слишком долго оплакивала себя и всё утраченное.

– Да, отец. Асгард. Сестёр. Тебя. Себя…

– Пусть твои печали останутся в этой пуще, – усмехнулся О?дин. – Я сбился со счёта, сколько столетий я оставался один. Потом мне встретился молодой маг Хедин. Истинный Маг. Мщение свершилось, Рандгрид, в этом можешь не сомневаться. Наши гонители пали сами, обратившись в странников, неприкаянных и презренных. Боргильдово поле отомщено сторицей!

– Разве отомщено оно, отец? Мои сёстры погибли, одна за другой, я не успела ни принять их оружие, ни смежить им глаза. Асы и асини даже павшими богами не влачатся по дорогам Упорядоченного. Их больше нет, и нет того Нифльхеля, откуда б они смогли вырваться. В то время как Шестеро живы, хоть и лишены сил. Однако не уничтожены!

– Нифльхеля и в самом деле нет, но… впрочем, что Молодые Боги остались – это же хорошо, дочь. Нам есть для чего жить. О! Постой! Ты разгневалась?

– Прости, отец. Но… Молодые Боги, если я правдиво поняла твой рассказ, лишены власти уже множество веков назад. Давно уже в Упорядоченном правят Новые Боги, Боги Равновесия, названые братья, Хедин и Ракот, из последнего Поколения Истинных Магов. Почему же прозывавшиеся Молодыми Богами Ямерт и его присные, почему они ещё живы?!

Отец Дружин встретил горящий взгляд валькирии, не дрогнув.

– Даже сейчас они куда сильнее меня, дщерь. Моя «месть» означала бы лишь прощание с истинной местью. Кроме того, Шестеро – только шестеро, потому что Ялини, лучшая из них, отреклась от братьев и сестёр – зачем-то нужны Хедину с Ракотом. К тому же, не забывай – это именно я навёл юного Хедина на то, что он может совершить.

– Но, отец, почему же тогда они с Ракотом, а не ты, властвуют над сущим?

Старый Хрофт пожал плечами.

– Упорядоченное избрало их. Они обрели великие силы, и по праву. Сила не даётся неправедным. Она справедлива, дочь моя.

– Тогда бы мы одержали верх на Боргильдовом поле…

– Не все пути вышних иерархий ведомы даже и мне, – с неохотой признался О?дин. – Прошло то время, когда я мнил, что мудрее меня нет никого в мире. К иным тайнам мне так и не удалось подступиться. Новая, незнакомая магия – как, скажем, магия молодого Хедина – мне так и не далась. Впрочем, достаточно разговоров, Рандгрид. Мы явились сюда не просто так. Нам потребуется оружие. Настоящее оружие.

– Здесь, отец? В этой пустыне? Неужели гиганты могли обладать чем-то таким, что пригодилось бы нам сегодня?

– Я не зря вспомнил про развалины, – невесело усмехнулся О?дин. – И про Асгард. Во время оно, как ты помнишь, именно Фазольт и Фафнер возводили его стены…

– Я помню, отец.

– Цена их казалась неподъёмной, но мы были горды. О, как мы были горды! Мы уплатили требуемое, и они удалились, во всё горло распевая какую-то совершенно варварскую песнь…

– Я помню и это, – Райна избегала смотреть на отца. – Сама того не видела, но сёстры – рассказывали.

– Прекрасно. Ну а помнишь ли ты, дочь моя, что гримтурсены строили лишь кольцо внешних стен с башнями? Что сердце Асгарда, Валгаллу, мы поднимали сами?

Валькирия молча кивнула.

– С тех времён у нас кое-что осталось, – О?дин вновь сощурил единственный глаз. – И осталось именно здесь. Иди сюда и помоги мне.

– Как, повелитель? У меня нет никаких «волшебных сил». Я воевала простой наёмницей, искусной с обычным оружием.

– Вспомни, как вы с сёстрами неслись меж облаками и морем. Как спешили к бранному полю, как подхватывали павших героев, унося их в Валгаллу. Вспомни вашу песнь, заставлявшую дрожать небо и землю. Вспомни, какой ты была, Рандгрид! Ты, самая младшая, но и самая яростная! Вспомни сестёр – Рёгилейв и Хильд, Хьёрфьетур и Хлекк, Гель и Гейр! Вспомни и Сигдриву, вспомни её судьбу, и пусть гнев твой воспылает так ярко, как только может. Вспомни ваш полёт, вспомни всё, моя дочь! Вспомни свою мать!

Райну трясло, глаза метали молнии, в горле валькирии глухо клокотало.

– Хорошо! – каркнул Отец Дружин.

Меж его воздетых рук заклубилось холодное голубоватое сияние, словно молодой лёд. Сияние изменялось, складывалось в причудливые символы, древние руны, бывшие древними ещё во времена Боргильдовой битвы. Миг – и слепленный из ничего огненный шар, разбрасывая искры цвета неба, врезался в землю, безжалостно расплёскивая вокруг себя неподатливую твердь. Миг спустя обнажился древний фундамент, сложенный из огромных диких валунов. Опрокинутые деревья так и валились во все стороны.

Голубой шар опалил старые камни и угас, но своё дело сделал. Один из валунов откатился в сторону, замерев среди расплёсканной, точно вода, земли.

Тяжело дыша, Райна глядела на открывшуюся яму. Наверное, валькирия ожидала сверкающих сокровищ, магического оружия, пережившего все эпохи, древнего и убийственного – однако вместе этого ей открылись лишь несколько покрытых ржавчиной обломков. Это даже не могло быть мечом.

– Разочарована? – усмехнулся О?дин. – Пора сверкающих клинков ещё не наступила.

– Позволит ли отец мой спросить, что это?

– Позволит. Кирка, заступ и плуг. Кирка с заступом, возводившие стены Асгарда, вернее, то, что от них осталось, и плуг, которым проведён был первый круг на земле, где легли фундаменты нашей твердыни.

– Но ведь это… вещи ётунов?

Старый Хрофт покачал головой.

– Не во всём можно верить преданиям. Тем более сказкам ётунов. Они большие любители прихвастнуть, особенно когда дело касалось асов и, сверх того, асинь.

– Но я сама помню… и ты повторил, отец…

– Эти вещи никогда не принадлежали великанам, дочь моя, – Старый Хрофт чуть сдвинул брови. – Инструмент стал даром первых гномов. Мы строили, а потом, донельзя довольные собой, гордые, заносчивые, пренебрежительные, – попросту забыли о нём. Мьёлльнир и Гунгнир – вот что казалось ценным, нужным, вечным. Разве дело богов шагать за плугом, махать киркой, работать заступом? Всё это осталось валяться под открытым небом, а Фазольт с Фафнером – хозяйственные ётуны! – не могли пройти мимо. Что плохо лежит, то, как известно, рано или поздно оказывается в загашнике великанов – так и тут вышло.

– Они их похитили? Инструменты богов?

О?дин кивнул.

– Тогда мы лишь посмеялись. Кому нужны эти железяки! Пусть ничтожные ётуны, наши слуги, забирают их себе. Нам они ни к чему. Потребовалась Боргильдова битва, чтобы… чтобы понять.

– Понять что, отец?

Старый Хрофт ответил не сразу. Постоял, склонившись, над дымящейся ямой, вглядываясь в невзрачные, покрытые ржавчиной обломки.

– Слушай меня, Рандгрид. Я начну с самого начала, будь терпелива. Уже после битвы, отпущенный милостью врага, я брёл прочь под хохот Ямерта и его

сородичей – не смеялась одна лишь Ялини, – не зная даже, куда несут меня собственные ноги. На развалинах нашего дома не осталось ничего, груда опалённых огнём Ямерта камней. Асгард пал, враг пренебрёг им, предав всё пламени. Я шёл, словно наяву видя это пепелище… и вдруг вспомнил.

– Плуг, кирку и заступ, отец?

О?дин кивнул.

– Плуг, кирку и заступ, дочь моя. Оружие не помогло нам, так, может, поможет совсем другое?

– Инструменты?

– Да. Но какие именно, я тогда ещё не знал. И не понимал до тех пор, пока не встретился с молодым магом Хедином. Истинным Магом.

– И что же случилось тогда, отец?

– Он стал моим учеником, – гордо бросил Отец Дружин. – Я научил его многому, открыл тайны рун, что сам познал столь дорогой ценой. Спираль раскручивалась очень, очень медленно, но уже тогда я верил, что когда-нибудь моя месть свершится.

– И она свершилась, повелитель! Свершилась, хоть и не до конца.

– Свершилась, но не до конца, ты права, – с неопределённым, непонятным выражением не то разочарования, не то досады проговорил Старый Хрофт. – Дорога оказалась длинна. Я не торопился, века шли, маг Хедин составил план отмщения и привёл его в действие. Увы, первая его попытка потерпела неудачу. Ночную Империю разгромили – Молодые Боги и те из собратьев Хедина по его Поколению, что служили Ямерту. Молодые Боги пристально глядели тогда на всех, кто оказался близок к мятежнику, – в том числе и на меня. Уже тогда я владел золотым мечом, но странное дело! – им Ямерт нимало не заинтересовался. И уже тогда у меня мелькнула мысль – а хорошо, что те инструменты наши так и остались тогда у великанов.

– И теперь пришла пора их добыть, да, отец?

– Ты всегда отличалась умом, Рандгрид. Пора пришла. Пора перековать орала на мечи. Сотворить новое оружие из стали, что помнит Асгард, помнит утро Древних Богов, помнит зенит нашего могущества. Помнит наш мир, простой и строгий. Золотой меч сгинул; а сейчас мне уже кажется, что оно и к лучшему. Слишком много лукавства и уловок он помнит.

– Но, отец… почему же ты столько лет не прикасался к этим обломкам? Почему оставил их ржаветь здесь, в земле великанов? Ведь Ямерт и его братья с сёстрами пали уже множество лет назад!

– Узнаю дерзкую Рандгрид, – нахмурился О?дин. – Верно, Молодых Богов нет – как Богов – уже много столетий. После победы Хедина и Ракота я обрёл старое имя, дочь моя. И одно время даже думал – не отправиться ли в Ётунхейм, не разыскать ли развалины мастерской Фазольта и Фафнера, павших в Боргильдовой битве, не откопать ли древнее железо, не пустить ли в ход, не восстановить ли наш старый дом?. Но потом… потом я подумал о зияющей пустоте новодельных залов, залов, где никогда не пировать эйнхериям, где никто не нальёт хмельного мёда в их опорожнённые рога. Я представил… и отбросил саму мысль. Заветное железо осталось лежать, где и было. Здешние стены давно обрушились, на развалинах поднялся дремучий лес. Плуг, кирка и заступ спали под валунами, и никому не могло и в голову прийти, что здесь осталось хоть что-то ценное.

– От кого же тебе приходилось таиться, отец? Ведь вы победили?

– Да, Рандгрид. Мы победили, но Молодые Боги остались живы. Ко мне вернулось моё могущество, я вновь отдал глаз в залог Мимиру, однако что-то подсказывало мне, что вытаскивать на белый свет эту память о нашем канувшем могуществе пока не стоило. Вплоть до сегодняшнего дня.

– Почему, великий отец?

– Тебе нужно оружие, достойное валькирии. Нужно оружие и мне.

– Но эти вещи… сугубо мирные, никогда не пробовавшие крови…

– Верно, – кивнул О?дин. – Но, как я уже сказал, это последняя память о нашем величии, металл, помнящий, что наша воля, а не чья-то ещё, властвовала в Хьёрварде и других местах. Применения им я найти не мог. А таскать с собой по мирам… Зачем? Здесь они пребывали в безопасности. Бери их, Рандгрид.

Райна опустилась на одно колено возле ямы, с благоговением подняла ржавые куски железа, словно величайшую драгоценность.

– Это и есть драгоценность, – проговорил Старый Хрофт, мрачно глядя на опустевшую ямину. – Последнее, что осталось от Асгарда. Победители сровняли его с землёй, выжгли фундаменты и саму память. Никто не вспомнит радужный мост Бифрёст, ни для кого даже во снах не прозвучит рог Молчаливого Аса…

– Для меня прозвучит, отец, – тихонько сказала Райна, прижимая к груди покрытые ржавчиной обломки. – Но что же нам теперь с этим делать? Ты сказал, нам нужно оружие…

– Как «что»? – удивился Отец Дружин. – Найти тех, кто перекуёт орало на меч.

– Гномы?

– Х-ха, гномы! – О?дин пренебрежительно присвистнул. – Свартальфахейм тоже выжгло, разве ты забыла? Нынешним же гномам не под силу сотворить даже новый Гунгнир, не говоря уж о том, чтобы оживить старую память металла. Задача-то куда труднее, чем просто перековать сломанное.

– Что же делать, повелитель?

– В стародавние времена, – сощурился Старый Хрофт, – здесь, в Хьёрварде, жила и процветала держава альвов. Альвланд. Эльфы, Перворождённый народ, в зените своего могущества, когда мир был молод, создали их. Не спрашивай меня, как, – О?дин вскинул руки. – Альвы унаследовали очень много от своих наставников, а затем, когда Перворождённые сочли, что тревоги этого мира их не слишком занимают, что они хотят покоя – ушли от эльфов, основав своё собственное государство. Имя моё, наравне с именем Хедина, Познавшего Тьму, хорошо известно в Альвланде. Они, уверен, не откажут в помощи.

На лице валькирии тем не менее читалось некое недоверие.

– Великий отец, но… ни эльфы, ни альвы никогда не могли превзойти гномов в кузнечном мастерстве и оружейном деле. Чем они смогут нам пособить?

– Я надеюсь, – медленно сказал Старый Хрофт, – что у них сохранилось кое-что, утраченное за ненадобностью даже гномами. Эти слишком уж старались… вовлечься в текущее. Альвы же остались в прошлом.

– Поистине, странно сие, – прошептала Райна, глядя на сурового Отца Дружин. – Оставшиеся в прошлом сильнее и искуснее тех, кто совершенствовал своё мастерство?

– Лишь в том, что касается додревних вещей, дочь моя.

– Тогда я готова, отец.

О?дин кивнул.

– Жаль, что Слейпнир всего один и силы твои, силы истинной валькирии, утрачены. Что ж, пришла пора мне доказать, что мой залог лежал у Мимира не просто так.

* * *

Дороги Хьёрварда знавали самых удивительных путников. Они привыкли ничему не удивляться – хаживали тут и Древние Боги, и Молодые, и Новые. Даже Великий Орлангур в человеческой своей ипостаси удостоил их своим визитом. И потому, когда на них ступили О?дин с Райной, дороги лишь равнодушно промолчали.

Путь Отца Дружин и его дочери лежал на юго-запад, к границам Альвланда, где, по уверениям Старого Хрофта, ничего не изменилось и измениться не могло.

Горы, вечные горы, по-прежнему охраняли границы укрытой от посторонних глаз страны. Скальные вершины оставались всё так же остры, всё так же леденяще-

холодны срывающиеся с зелёных, покрытых вековыми елями склонов водопады; всё так же зорка неусыпная стража на высоких и острых, точно кости, дозорных башнях.

Слейпнир гневно выгнул шею, негодующе заржал, когда Отец Дружин натянул поводья. Как?! Его, волшебного коня, помнящего все эпохи этого мира, заставляют остановиться перед какой-то дорожной заставой – когда ему ничего не стоит проскакать по воздуху над головами возомнившей о себе стражи?!

– Тих-хо! – сурово бросил О?дин, и восьминогий жеребец, поняв, что хозяин не шутит, покорно опустил голову.

С обеих башен, сложенных из голубоватого камня, на путников смотрели с десяток внимательных, холодных глаз. Старого Хрофта, Отца Дружин, несомненно, узнали. Понимали стражи и то, что Древнему Богу ничего не стоило оставить их заставу далеко за спиной, просто перелетев границу и, раз он счёл нужным остановиться, значит, дело серьёзное.

Ни один лучник не поднял оружия, ни единого оголовка стрелы не сверкнуло в бойницах.

С ближайшим соратником Хедина поневоле станешь вежлив.

От башен вниз, в ущелье, сбегала неприметная, тщательно укрытая стволами леса тропинка, по которой и ехали Старый Хрофт с валькирией. Перед Райной и её отцом появились трое альвов, все – в парадной вычурной броне. Дозор в таких не несут, значит, доспех поспешили сменить, желая выказать всяческое почтение.

– Отец богов. – Альвы разом поклонились, с идеальной точностью и слитностью. – Почтём за великую честь принять тебя в наших землях.

Старых Хрофт слегка кивнул, не удостаивая стражей ответными словами.

– Чем можем мы услужить тебе, о великий?

Плечи Отца Дружин развернулись ещё шире.

– Благодарю, – пророкотал он. – Нам ничего не нужно. Мы пребудем здесь некоторое время по нашей собственной надобности и – в память о долгой нашей дружбе – скажу, что Альвланд не претерпит никакого ущерба.

– Великий Хрофт желает проводника? Или кого-то для услужения его милости?

Отец Дружин вновь покачал головой.

– Признателен страже Альвланда за гостеприимство и вежество. Но нам и впрямь ничего не нужно. У меня нет желания нарушать мирный ход вещей здесь, в вашей прекрасной стране, – Старый Хрофт величественно поднял руку в знак прощания, однако ни один из стражей Альвланда не сдвинулся с места.

– Великому О?дину, владыке Асгарда, конечно, ведомо, что невдалеке от границ Альвланда совсем недавно гремела битва, в коей сошлись ученики божественного Хедина, Познавшего Тьму, и противостоящие им быкоглавые чудовища. Могучая магия вырвалась на волю, рушились скалы, а в глубинах земли обваливались своды пещер. Мы встревожены, о великий. Когда-то наши предки помогали великому Хедину, однако он, обуреваемый множеством забот, забыл о нас.

– Это не так! – гневно прервал альва Отец Дружин. – Бог Хедин не забывает ни о чём и ни о ком. Это говорю вам я, О?дин, помнящий само начало хединского Поколения!

– Однако битва кипит, все маги Альвланда не отрываются от далековидящих кристаллов. – Старший пограничного караула не отступил перед Слейпниром и не опустил глаз. – Почему же великий Хедин не послал нам своего слова?

– Значит, в этом не явилось нужды, – надменно бросил Старый Хрофт. – Опасность вам не угрожала, следовательно, не о чем и беспокоиться.

Стражники переглянулись.

– Слово великого О?дина – закон для нас, – наконец произнёс старший. Причудливо разукрашенные парадные алебарды поднялись, открывая дорогу. – Пусть он не гневается на простых воинов Альвланда. Однако, если так сложится,

молю великого преклонить слух к просьбам правящих сей страной.

– Если так сложится… – милостиво кивнул О?дин. Слейпнир с вызовом заржал, ему ответил конь Райны – увы, самый простой, о четырёх ногах и без грана магии в оных.

Стражники расступились. Высыпавшие на парапет дозорных башен лучники дружно салютовали путникам. Белооперённые стрелы взмыли высоко в небо, вспыхивая, казалось, под самыми облаками многоцветными огненными букетами.

– Что они хотели, отец? – осторожно спросила Райна, когда пограничные башни остались позади и тщательно вымощенная зеленовато-голубым искусственным камнем дорога приблизилась к тёмной арке туннеля. – Какая битва? Кто с кем сражается? Какие ученики? Какие быкоглавцы?

– Армия бога Хедина, Познавшего Тьму. А быкоглавцы… несчастные глупцы, подъятые на войну нашими врагами.

– Какими? – жадно выпалила Райна.

Отец Дружин пожал могучими плечами.

– Теми же самыми, что подстроили всю эвиальскую западню, где мы с тобой, дочь моя, и встретились. Дальние Силы Упорядоченного.

Глаза Райны сузились, валькирия явно вспоминала прошлые битвы.

– Бывало, мы переведывались, – медленно проговорила она. – Я помню, отец.

Старый Хрофт кивнул.

– Они явились незваными, но тогда мы устояли. Уверенные в себе, мы гордо ждали часа Рагнаради, так и не случившегося. И всё же, пока стоял Асгард, дочь моя, всерьёз нам с ними воевать не пришлось. Пришельцев удалось отбросить, а всерьёз они стали укрепляться в Хьёрварде и других мирах уже много позже Боргильдовой битвы. Хаген, последний настоящий ученик Хедина, Познавшего

Тьму, носил меч, специально выкованный на погибель подобному врагу. Так или иначе, сам Хедин поначалу считал их просто стражами Равновесия, ещё более рьяными, чем сами Новые Боги.

– А на самом деле?

– Никто не знает, – вновь пожал плечами Старый Хрофт. – Мы бились с ними насмерть, побеждали, но никогда не могли взять верх полностью и окончательно. У них множество форм и обличий, и какое истинно – опять же тайна. Если слуги Дальних явились с оружной силой к самым границам Альвланда, ничего удивительного, что поднялась тревога.

– Но надо, наверное, тогда спешить на помощь?

– Нет нужды, Рандгрид. Армия Хедина не знает поражений. Их невозможно победить.

– Как так? – поразилась валькирия.

– Мощь бога Хедина велика, – проворчал Старый Хрофт. – Когда-то я считал сильным себя и других асов. Молот Тора… эх, да что говорить. Потом могучими представлялись Молодые Боги. Боргильдово поле… способно любого научить скромности. Но боги Хедин и Ракот совершенно, совсем иные. Познавший Тьму собирает лучших бойцов Упорядоченного, обучает их магическим искусствам, так что один способен сражаться с сотней, а двое – с тысячью. Они ещё ни разу не были побеждены. Ни разу, Рандгрид.

– Непобедимых армий не бывает, отец, – осторожно сказала воительница. – Ты поведал мне о Ночной Империи Хедина, Познавшего Тьму, как она была повержена во прах…

– Он с тех пор очень многому научился, – нахмурил брови Отец Дружин. – Его полки теперь немногочисленны, но каждый воин, как я уже сказал, стоит целого множества.

– Разве не таковы были наши эйнхерии?

О?дин покачал головой.

– Нет, дочь моя. Воины Хедина стоят куда выше. Он отбирает магов, природных чародеев, сам обучает их высокому искусству, они сражаются как единое целое, и каждый знает свой манёвр: иные отражают вражьи заклятия, иные плетут свои собственные, третьи прикрывают первых и вторых, четвёртые – способные летать – обрушиваются на врага сверху…

– Мы тоже могли летать, – проворчала Райна.

– Вас было всего тринадцать, – вздохнул Старый Хрофт. – И из-за каждой из вас у меня случалось… непонимание с Фригг.

Райна едва заметно улыбнулась.

– Но, великий отец, благодаря этому мы все были живы.

Старый Хрофт тоже улыбнулся в ответ.

– А теперь их никого нет. Ни сестёр, ни ревнивой Фригг. – Валькирия глядела в землю.

Отец Дружин не ответил.

Их кони вступили в тоннель, свет померк было, но по стенам тотчас засветились висящие словно в воздухе кристаллы.

– Хвастуны, – буркнул Старый Хрофт. – Никак не могут без выкрутасов. Всё с эльфами состязаются, хотя ни за что в том не признаются, даже самим себе.

Хрустальные светильники вспыхивали один за другим серебристым и холодно-жемчужным. Пробитый в теле скалы ход извивался, бросаясь из стороны в сторону, словно испуганная змея. Под копытами коней вспыхнула фиолетовая дорожка, по ней бежали, причудливо перетекая друг в друга, диковинные символы.

– Ты разбираешь их руны, дочь моя?

Валькирия покачала головой.

– Нет, отец. Я избегала этого мира и его насельников. Слишком недобрая память. Да и то сказать, мне куда больше нравилось просто сражаться. Битвы помогали забыться.

– Но ты смотрела и запоминала, – возразил Отец Дружин. – Тебе наверняка приходилось биться и с чародеями. Символы и начертания не могли не броситься тебе в глаза. Приглядись – что ты о них скажешь?

Валькирия некоторое время всматривалась в мельтешение полуразмытых линий, свесившись с седла.

– Основа, конечно, эльфья, – сказала она наконец, поднимая взгляд. – Основа эльфья, у их главного колена она почти одинаковая, где на них ни натолкнёшься. Но изменено, конечно же. Эльфийские руны просты, а тут на каждую словно нарочно столько навешано, пририсовано, добавлено, что демон когти сломит.

– Альвы добавили к двадцати четырём изначальным эльфийским рунам ещё шестнадцать своих, которые, в сущности, слегка изменённая письменность Перворождённых. Но Сотворённые, уйдя от вчерашних хозяев, порою просто старались измыслить звуки и слога, непохожие на изначальные.

Валькирия кивнула. Если Отец Богов рассказывал, следовало слушать.

– Ты поймёшь, к чему моя повесть. Альвы, словно одержимые, состязались с эльфами во всём. Что-то эльфами отвергавшееся – скажем, соработничество с гномами – альвами принималось. Запретное для Перворождённых знание, высшая некромантия, к примеру – альвами тщательно изучалось. Не для того чтобы пустить в ход, во всяком случае, я такого не припомню, но чтобы понять, справедливо ли было суждение вчерашних хозяев. Ну и, разумеется, отыскать их неправоту. Эту-то вот болезнь альвов мы с тобой, дочь, и используем.

Валькирия усомнилась было, разумно ли так рассуждать вслух, находясь в альвийских владениях, но тотчас одёрнула себя. Мыслимо ли, это же изречено её отцом, и не просто, но Отцом Богов, великим О?дином, коварным обманом

лишённым трона и власти!

А что на Боргильдовом поле Молодые Боги одержали победу исключительно посредством коварного обмана, Рандгрид, она же Райна, не сомневалась ни на миг.

Она по-прежнему помнила тот день – в мельчайших деталях. Помнила, хотя сама запретила себе вспоминать; разрешённой оставалась только их с сёстрами последняя атака.

Уже отброшены Крылатые Гиганты. Частью истреблены, частью бежали призраки, не выдержав схватки с мёртвым воинством Хель. Великий О?дин сражается с вражьим вожаком, чьё имя – Ямерт – ныне, присно и во веки веков ненавистно для валькирии. Поднялись и повергнутые было Повелителями Духов асы, Тор поднял покрытый ржою молот и вновь идёт в бой; за плечами Локи, словно плащ, клубится рыжее пламя.

Воспоминания болезненны, колют и жгутся, но Райна держалась за них все несчётные годы изгнания. Всё время, пока странствовала простой наёмницей, прячась по дальним мирам, пока звалась чужим именем – боль помогала остаться собой, не забыть, под какими знамёнами она начинала сражаться.

Какое ж то было счастье, какое упоение – мчаться в клине сестёр, и Фригг на его острие казалась в тот миг роднее всех на свете. Они были бессмертны и непобедимы, наконечники копий горели ярче тысячи солнц, и ничто, никакая сила не могла устоять перед ними.

Мгновения полного, абсолютного и совершенного счастья.

Их клин пробил хилую цепь вынырнувших откуда-то Крылатых Гигантов, и юная Рандгрид завизжала от восторга, когда её копьё пронеслось насквозь через грудь слуги Молодых Богов, и тот опрокинулся – прямо под копыта её коня, и подковы с мокрым хрустом разнесли ему череп.

Скульд оглянулась, бросила на младшую сестрёнку быстрый взгляд. Губы старшей валькирии улыбались.

Она понимала.

Это был последний взгляд, которым они обменялись со Скульд. Её сразит Явлата, сразит, словно всё боевое искусство дочери О?дина – ничто.

Но тогда – тогда они побеждали.

– К нему! – Фригг встала в стременах, её собственное копьё воздето, и перед ней словно расступается сам воздух.

К нему – значит к отцу. Потому что именно сейчас он должен был схватиться с Ямертом, а там, за спинами, хекса Лаувейя, при одном упоминании о которой Фригг начинает скрежетать зубами, что-то сотворила-таки с рунами, потому что валькирия Рандгрид на все оставшиеся ей очень, очень долгие годы запомнила жаркую вспышку в груди, ощущение льющейся сквозь неё силы и чувство непобедимости.

Они сбили с ног, пронзили копьями и затоптали копытами троих из когорты Молодых Богов; мечи ломались о древки их пик, валькирии разили насмерть, двое прекрасного вида юношей и девушка с очень светлыми, сияющими волосами рухнули, перепачканные кровью, с раздавленной грудью, словно простые смертные.

Много столетий спустя она, уже воительница Райна, а не валькирия Рандгрид, узнала их имена.

Яддрин. Яволлир. Яймалли.

Райна потратила уйму сил (и золота), пока не добралась до правды. Но ей обязательно требовалось знать имена поверженных – пусть их духи знают, что у неё, валькирии Рандгрид, найдётся на них управа.

Она помнила, как торжествовала, узнав настоящие прозвания. Ещё лучше было бы отыскать их могилы или те места, где отгорели их погребальные костры, но так далеко удача бывшей валькирии уже не простиралась.

Отец молчит, лишь изредка бросает на свою младшую, свою Рандгрид, какие-то загадочные взгляды.

Он изменился, очень. Постарел, хотя как может постареть бессмертный бог? Но морщины на лице Отца Дружин пролегали теперь глубже, под глазами залегли мешки, от уголков глаз разбегалась паутинка. Прежними оставались усы и борода, однако и они изрядно удлинились. Раньше владыка Асгарда носил в снежно-седых волосах золотой обруч, сейчас – простой кожаный ремешок. Меховая безрукавка, расшитая по вороту оскаленными мордами невиданных зверей, то ли волков, то ли драконов. Кожа лица и рук потемнела от времени, обветрилась – а Рандгрид помнит её чистой и белой.

Но есть в её отце и кое-что новое. Упорная и упрямая уверенность в том, что он делает, не геройский порыв, как последняя атака Фригг и валькирий, нет – что-то давнее, древнее, постоянное, медленно растущее, словно сгинувшее вместе с Асгардом мировое Древо, великий Иггдрасиль.

Что они делают здесь, в Альвланде? Только ли для того явились они сюда, чтобы перековать на оружие старые инструменты?

И сколько ещё будет виться, словно утроба Йормунгада, этот тоннель?

– Всё разъяснится очень скоро, дочь моя.

Голос отца спокоен, низок, рокочущ. Полон уверенности, он словно говорит каждым звуком, каждым слогом – я знаю, что делать. Следуй за мной и верь.

Валькирия верила. Это было настоящим счастьем – снова верить, снова идти за отцом, за тем, кто знает, как надо.

Юная валькирия Рандгрид вообще ничего не ощущала бы, кроме полного и совершенного довольства, мира с собой и сущим. Наёмница Райна, однако, научилась сомнению. Века и века странствий по мирам Упорядоченного, когда она мечом добывала себе пропитание и кров – дочь О?дина бессмертна, однако еда нужна даже ей, – научили размышлять и сравнивать.

– Пове… отец, неужели никто-никто больше не выжил?

– Ты уже спрашивала, дочка. Никак не можешь поверить?

Валькирия опустила голову.

– Не могу, повелитель. Не могу не думать. Знаю, что за все эти века кто-нибудь бы проявился, но… что, если они так же прятались, как я? Что, если они до сих пор где-то скрываются?

– Райна, – перебил Старый Хрофт. – А ты помнишь, как сама спаслась?

– Ты уже спрашивал, отец. Тоже не можешь поверить?

– О, вот это мне нравится, – усмехнулся О?дин. – Уже не прежняя восторженная Рандгрид. «Да, повелитель, приказывай, повелитель, мы все умрём за тебя, повелитель!» Нет, я не смеюсь, дочка. Но неужели тебе ничего не показалось странным в собственном спасении?

Райна низко опустила голову.

– Я знаю. – Голос её упал до шёпота, полный мучительного стыда. – Позор так жить, когда все родичи доблестно пали, с оружием в руках, а у тебя не нашлось даже сил или хитрости проводить их достойным погребением.

О?дин лишь покачал головой.

– Забудь про стыд, погребения и прочее. Там, куда ушли Фригг, Тор, Локи и прочие, похоронные обряды не значат ничего.

– А… ты знаешь, куда они ушли, отец?

Старый Хрофт усмехнулся.

– Не знаю, дочка. Но догадываюсь. Однако об этом – после. Расскажи ещё раз, что случилось, когда… когда ты осталась одна?

Райна помотала головой.

– До сих пор больно, отец.

– Я знаю, – кивнул О?дин. – Но всё-таки попробуй. Уже после того, как все Молодые Боги подоспели Ямерту на помощь.

Валькирия выдохнула и кивнула.

– Явлата убила Скульд… Мы бились с Ястиром, я и Хлёдд. Копьё сестры сломалось, Ястир перерубил его играючи, смеясь. Я помню, как он смеялся, солнечным таким, светлым смехом, словно не понимая, что делает, словно кровь и смерть на этом поле – просто игра. Я ударила, попала, должна была пробить ему сердце, но наконечник моего копья просто разлетелся брызгами, древко загорелось… мы схватились с ним врукопашную, но бить его было словно бить скалу. Хлёдд сумела, вывернула ему кисть и крикнула мне «В горло!» – и… и я ударила снова, кулаком в железной перчатке, я сломала бы кадык даже ётуну, а тут… камень, отец, камень. И боль… рука словно загорелась вся.

Губы валькирии сжались горькой, скорбною складкой.

– Я не смогла. А он отшвырнул меня и вспорол Хлёдд, словно мясник, от паха до горла, и броня её горела – он бросил меч, выхватил кинжал левой рукой и вспорол. Как овце… И – её взгляд, последний… «что же ты, сестрёнка?!».

Голос Райны сорвался.

– Твоя сестра и моя дочь отомщена сторицей, – с мрачной торжественностью уронил Отец Богов. – Участь Ястира… была незавидной. Он получил своё.

– Ты говорил, отец, в самый первый раз, но так и не сказал, какой именно.

– Я сказал то, что тебе нужно знать, дочка. Остальное узнаешь в должное время.

– Повинуюсь, – склонила голову валькирия.

– У нас с тобой есть дело, – понизил голос Старый Хрофт. – Дело настолько важное, что даже месть может подождать.

– Месть может подождать? – ухватилась за отцову оговорку воительница. – Значит, есть кому мстить?

– Есть, есть, – кивнул О?дин. – И ты непременно отомстишь… или, во всяком случае, сама решишь, стоит ли мстить, и если стоит, то как. Теперь же послушай меня – и не перебивая.

– Да, отец, – вновь поклонилась Райна.

– Прежде чем начну говорить я, закончи свой рассказ. Хлёдд умерла, тебя отбросила, твоя рука горела – что случилось дальше?

– Я снова кинулась на него, замахнувшись тем, что осталось от древка. Замахнулась, и…

– И?

– И он опередил меня. – Валькирия закусила губу. Стыд, похоже, жёг её до сих пор. – Сделал выпад, но… бил мечом мне по шлему, плашмя.

– То есть оглушил, – уточнил Отец Богов.

– Оглушил. Но я устояла, только в ушах зазвенело. Ударила снова, пытаясь обмануть замахом слева, только он не поддался. Отбил, проклятый, и снова опередил, – Райна зажмурилась, на щеках горел лихорадочный румянец. – Его меч мелькнул… и я упала.

– Он оглушил тебя вторично, и на сей раз – куда основательнее, – подытожил Старый Хрофт. – Ты упала без чувств, и…

– И, когда пришла в себя, то оказалась одна, на Боргильдовом поле, средь множества мёртвых тел. Но среди них не отыскалось ни тебя, отец, ни прочих асов или асинь. Не было и Хель или Нарви, – Райна выдохнула, сжала кулаки, омертвелый взгляд устремлён прямо вперёд. – Я ходила, ходила кругом… броня моя обратилась в ничто, сталь распадалась под пальцами. Я звала… помню, что да, звала. Мне откликнулись только лунные волки. Я схватила какую-то дубину, думала, что они пришли пожирать мертвецов, однако нет, они просто выли над

грудами тел, словно пели погребальную песнь. Иди, сказали они мне. Здесь больше нет живых.

– И ты пошла, дочь.

– И я пошла. Волки провожали меня с поля, указывая дорогу. Так я очутилась… нет, не в Асгарде, не в Митгарде и даже не в Ётунхейме. Это был совершенно новый мир, тёплый и ласковый. Я не знала местных языков, первые же встречные оказались работорговцами, но я собрала на Боргильдовом поле кое-какое оружие, и… меня попытались схватить, но горько об этом пожалели.

– Любой, кто попытается наложить свои грязные лапы на мою дочь, просто обязан горько об этом пожалеть, – усмехнулся Старый Хрофт.

– Да, отец. Они горько пожалели, те, кто уцелел, пали на колени и умоляли о пощаде. Слов я не разбирала, но, когда перед тобой извиваются на брюхе и рыдают крупными слезами, ошибиться трудно. Я взяла у них одежды, коня, припасов и отправилась по большой дороге. Так началась моя жизнь наёмницы, влады… отец. Я уже повествовала тебе об этом. Зачем ты хотел, чтобы я рассказывала вновь?

– Почему победители не добили тебя? – сощурился Старый Хрофт. – Почему оставили тебя жить? Тебя одну? Мне сохранило жизнь заступничество Ялини. А тебе? Ты не задумывалась над этим?

Валькирия потупилась.

– Может, они решили, что я мертва?

– Не считай Ямерта и его присных глупцами, дочка. Они всё прекрасно знали. Что, если они пощадили тебя специально, чтобы следить за тобой, чтобы все, кто замыслил бы восстать против их власти, оказались бы у них как на ладони. Ты привела б их к истокам заговоров и смут – такое не приходило тебе на ум?

Райна покраснела и покачала головой.

– Нет, отец. Сперва я просто не могла думать. А потом… потом я выживала, старательно пытаясь забыть обо всём.

– Не сужу тебя за это, дочка. Тем более что всё обернулось к лучшему – ты никого не предала невольно, никто не пострадал. Твоя тихая и незаметная жизнь наверняка убедила Ямерта и остальных в том, что и я не столь опасен.

– Быть может, отец. Но что с того? Как это изменит то, что нам предстоит совершить сейчас?

– Потому, что у твоего спасения есть и другое объяснение, Рандгрид. Что, если Молодым Богам просто не дали тебя убить?

– Кто? – поразилась валькирия. – Они безраздельно владели Упорядоченным. Миры ложились им под стопы, десятками, сотнями, тысячами. Я знаю, кое-где их тоже встретили мечами и копьями, но те битвы были все до одной ими выиграны, как и Боргильдова.

– Я думаю на Восьмизрачкового. На Духа Познания, о котором ты теперь знаешь всё, что ведаю о нём и я.

– Зачем я Великому Духу, столпу Третьей Силы? – не могла поверить воительница.

– Он любит развлечения, – пожал плечами Отец Дружин. – И мог найти это… забавным.

– По-моему, владыка, первое твоё объяснение – что за мной следили – куда лучше, – осмелилась возразить Райна. – И я всё равно не пойму, куда ты клонишь, отец. Даже если Великий Орлангур и спас меня тогда – хоть я и не ведаю, как или зачем, – что это изменит? С Боргильдовой битвы прошли эоны, нет ни Ямерта, ни его родни, в Обетованном новые хозяева – что нам в тех делах?

– Очень долго я думал точно так же, дочка. Спасибо Хедину, подсказал, что иные ростки сегодняшнего имеют корни из предначальных дней, с самой зари нашего мира. Мы с тобой ведь тоже собираемся возродить часть изначальной силы асов,

силы, сохранившейся с рассветной поры Митгарда. Вот почему я и думаю, не перестаю думать о том, как и почему ты спаслась. С самого мига нашей встречи.

Райна виновато вздохнула.

– Прости, отец. Я не хотела ввергать тебя в печаль и горестные раздумья.

– Слог истинной валькирии, – усмехнулся О?дин. – Эк заворачиваешь-то! «ввергать в печаль и горестные раздумья» – неплохо, клянусь собственными священными браслетами.

– Отец, – Райна взглянула на Старого Хрофта в упор, – мой медленный разум не поспевает за скакунами твоих помыслов.

– Всё просто, дочь. Молодые Боги не дали никому уйти с Боргильдова поля. Наивно думать, будто они «не заметили» тебя. Они либо оставили тебя в живых нарочно, либо кто-то не дал им добить тебя. Валькирии Асгарда, даже бесчувственные, не валяются, словно простые смертные. Дар вечной жизни не был отнят у тебя, и Ямерту, на пике его могущества, ничего не стоило тебя найти. Однако ты жива, дочка.

Валькирия нетерпеливо поёрзала в седле.

– Да, отец, но что нам с того сегодня? Пусть меня спасли, пусть не дали добить – но как это изменит предстоящее нам?

– Твоё предназначение, Рандгрид. Ничто не проходит бесследно, изменения судьбы, чьё-то решение оставить тебе жизнь, уходят корнями очень глубоко, от брошенного камня по воде расходятся круги, и, пусть даже нам они не видны, пусть мы считаем, что этих кругов давно не стало, они всё равно есть.

– Диковинно, – покачала головой валькирия. – Но, пусть круги, отец… они сделают тот меч, что мы хотим выковать, сильнее?

– Не впрямую. Но сделают, – усмехнулся Отец Дружин. – Альвы очень любят разбираться в древних пророчествах и участи тех, кто, как они считают, отмечен «всемогущей судьбой».

– То есть могут сделать для нас больше?

– Я на это надеюсь.

Валькирия разочарованно пожала плечами.

– И это всё, отец?

– Твоё предназначение, предначертание для воительницы Асгарда, сохранившее тебя – помимо твоей собственной силы, – должно воплотиться. Я надеюсь, что мастера Альвланда, мастера обращать пророчества и предсказания в настоящую, осязаемую силу, помогут сотворить для нас новое оружие. Оружие, что окажется сильнее судьбы.

Райна только покачала головой.

– Твои слова поистине новы для меня, отец. Я всегда считала, что сохранили меня выучка Асгарда, мои умения, а не какая-то слепая «судьба». Убивают мечи и копья, убивает оружие во вражьих руках; мои сёстры погибли в бою, их убийцы имеют имена и обличья и живы до сих пор. Я не знаю ничего про «судьбу». Я билась с Молодыми Богами, а не с «судьбой».

– Верно, верно, – кивнул Отец Дружин. – «Судьба», о которой так любят рассуждать альвы, – это, конечно, не какой-то «бог» или «вседержитель», не существо на троне, окружённое грозными слугами. Это куда более сложное. Сложение воль и стремлений живущих в Упорядоченном. Один раз это уже произвело на свет нечто… чему лучше всего было бы не рождаться. Ты знаешь, о ком я веду речь, дочка.

Райна кивнула.

– Спаситель?

– Именно. Думаю, я рассказал тебе о нём достаточно, да ты и сама всё видела, когда вы с чародейкой Хюммель сражались с ним в Эвиале. Кстати, а что случилось с самой волшебницей?

– Она исчезла вместе с драконом, – отозвалась воительница. – Больше мы о ней ничего не слышали. Отряда не стало. Некромант Бельт погиб, Тави погибла. Ниакрис… была тяжело ранена. Но с ней оставалась гнома-чародейка, Эйтери, Сотворяющая. Если кто и может помочь воительнице, так только она. А потом мы с тобой, отец, отправились нашим путём, и я последовала за тобой, Владыка Асгарда, оставив позади всё остальное, ибо это мой первейший и главный долг.

– У каждого из них свой собственный путь, в посмертии или при жизни, – жёстко ответил Отец Дружин. – Ты сделала для них, что могла, дочь моя. Теперь у нас своя дорога. Твоя участь, участь последней выжившей валькирии, станет нашим оружием. Как ты понимаешь, я мог бы откопать трофеи Фазольта и Фафнера давным-давно. Я этого не делал – мне не во что было превратить их. Сейчас есть ты, и это совершенно меняет дело.

– Почему? – продолжала недоумевать валькирия.

– Бог без тех, кто был с ним, – ничто. Никто. Я оставался один целые эоны. Моя сила не ушла полностью, но расточилась, рассеялась. Поодиночке мы с тобой были едва ли больше, чем просто могущественный воин-маг и искусная мечница. Вдвоём – поверь, дочь моя, мы много, много больше. Когда-то весь мир принадлежал нам; потом он был у нас отнят. – Он усмехнулся. – Сдаётся мне, пришло время для истинного возмездия. И ты, дочь, будешь сражаться рядом со мной.

Истинной валькирии следовало бы воинственно вскинуть клинок, разразиться боевым кличем, но Райна молчала.

– Отец, за долгие странствия… я изменилась, – она говорила медленно, опустив голову и не глядя на Старого Хрофта. – Кому мы отомстим? Ямерту и его присным?

– Им, им, – кивнул О?дин. Он казался ничуть не смущённым столь странными для неистовой воительницы словами. – И для того чтобы наша месть стала бы… совершенной, нам нужно совершенное же оружие. Оружие судьбы, как сказали бы альвы.

Райна покачала головой, словно в сомнении.

– Я последую за тобой, отец, до самого края сущего. И за край, если нужно. Но я так и не поняла, почему выкованный из старого металла клинок непременно должен сделаться столь особенным.

– Есть множество сказок о волшебных мечах, непробиваемых доспехах и, – О?дин усмехнулся, – о не знающих промаха копьях. О магическом оружии мечтали слабые и трусливые, надеявшиеся, что чужая сила заменит им их собственную. Так не бывает, дочка. Оружие сильно лишь в достойной его руке. Гномы, помню, увлекались рунной магией, ковали мечи и секиры, испещрённые рунами, могущественными знаками, и думали, что измыслили чудо-оружие, позволяющее им побеждать всегда и всех.

– Не получилось, – эхом откликнулась Райна. – Они столкнулись где с эльфами, где с людьми, где с орками и гоблинами, а где и вовсе с поури. Подземные воители с топорами, изукрашенными сине-голубыми рунами, кидались десяток на тысячу и гибли. Попробовали десяток на сотню – и снова разгром. Ты прав, отец, нужна рука. Я понимаю, твой Гунгнир был силён не только лишь сам по себе – именно ты должен был метнуть его.

О?дин кивнул.

– Ты поняла меня. Нужна рука истинной валькирии и нужен металл, помнящий дни нашей славы, дышавший воздухом, что подчинялся нам. Ты одна – просто воительница, хотя и из лучших. Выкованные из старых орудий даже самыми искусными подгорными мастерами клинки ничего не смогут сделать сами по себе. Только вместе. Поэтому, дочь моя, без тебя не обойтись.

– Но, отец, – всё ещё недоумевала Райна. – Почему же ты сам не откопал их и не сделал себе новое копьё, к примеру? Ты так хорошо и красно говорил о магическом оружии в правильной руке… чья длань может оказаться правильнее твоей?

– Разве ты не слышала, что я говорил тебе только что? – Отец Богов нахмурил косматые брови. – Моя сила расточилась, растратилась! После падения Молодых Богов я так и не стал прежним, хотя и воскликнул, помню, что, мол, «я снова О?дин!». Великие реки магии – спасибо Хедину, поведал о них во всех подробностях, – текут, не давая мне почерпнуть из них сверх дозволенного…

– Дозволенного кем? – тотчас перебила воительница. – Прости, повелитель…

Старый Хрофт ухмыльнулся, криво и недобро.

– У меня есть подозрения, дочка. Но оглашать их пока не стану – слово Древнего Бога разносится широко, куда шире, чем нам порой бы хотелось.

– Но я вообще не ведаю ничего ни о каких «реках магии»! – развела руками Райна. – Я никогда не колдовала и не волшебничала. Только те руны, что ты дал нам, отец, руны для боя и врачевания ран. Множество смертных чародеев, что мне довелось сразить, владели заклятиями куда убийственнее моих. Да мои, впрочем, и убийственными-то назвать нельзя…

– Именно, дочка, – подхватил Старый Хрофт. – Но ты их повергла, не так ли?

Райна кивнула.

– Ты повергла их потому, что умела сражаться, потому, что битва – суть истинной валькирии. Твоя мать с голыми руками пошла на драконейта, а ты, не владея магией, шла на могущественных волшебников. Рука и клинок, дочь моя, клинок и рука.

– Хорошо, отец, – послушно кивнула воительница. – Но ты упоминал о об оружии для себя самого?

– Золотой Меч сработали мастера Кольчужной горы, здесь, на севере Хьёрварда. Мастер Браддар сотворил его, но, признаюсь честно, немало сил в том клинке было от Гулльвейг, Матери Ведьм[5 - См. роман «Тысяча лет Хрофта», книга вторая, «Молодой маг Хедин», с. 59–65.].

– От неё? – растерялась Райна.

– Да, дочка. Её талисман, амулет иль оберег – называй как хочешь, – расплавленный в тиглях Кольчужной горы, отдал свою мощь клинку. Знаешь… сейчас я даже рад, что Золотого Меча больше нет. С ним в бой выходить – словно с женой, которую ревнуешь. Всё вроде б так, и сталь не подводит, а что-то и не так, будто на сторону нет-нет да и покосится. Может, просто так

покосится, а может, и с умыслом. Новое оружие для задуманного нужно, совсем-совсем новое. Хоть и из старой стали.

– И ты знаешь, отец, что вложишь в него?

Старый Хрофт кивнул – мрачно и торжественно, словно в былые времена, словно с трона Валгаллы, когда на плече сидят вороны, у ног пристроились волки, а перед владыкой Асгарда шумно пируют, возглашая ему здравицы, вечные воители-эйнхерии.

– Да. Но сперва ты, валькирия.

– П-почему я?

– Потому что, едва разойдётся весть, что вложено в мой меч, разразится война.

– Война – это хорошо, – почти обрадовалась Райна. – Мне было скучно без доброй драки, потому всегда нанималась, долго не сидела…

– Но ты не нанималась к первым попавшимся, – сощурился Отец Дружин. – А под конец и вовсе забросила кочевую жизнь, обосновавшись в Долине Магов!

– Они помогали людям, – негромко отозвалась воительница, словно погружаясь в воспоминания. – Многие из них. Лечили болезни, у людей и у скотины, следили за погодой, помогали справиться с чудовищами, расчистить гнилое болото, откуда лезли ядовитые гады или где плодилась мошка, разносящая заразу. Я осмотрелась, присмотрелась… и решила остаться.

– И правильно, – одобрил Отец Богов. – В конце концов, так и началась та дорога, что привела тебя к нашей встрече.

О прозвучавшем слове «война» они оба словно бы забыли.

Интерлюдия 1

Война. Она вечно кипит в Упорядоченном. Миры не остаются в покое, где-то непременно сшибаются полки, где-то извергаются вулканы, где-то подземные боги – или существа, когда-то бывшие таковыми, – рвутся к поверхности, где-то владыки воздушных океанов насылают всесокрушающие ураганы – сила течёт, равно служа всякому, кому достанет умения поставить её себе на службу.

Хедин, Познавший Тьму, Новый Бог сущего, владыка…

Он поморщился. Титулы нужны не ему, а вставшим на его сторону. Им так легче.

– Вестей от Ракота как не было, так и нет.

Волшебница Сигрлинн, в любимом белом платье, облегавшем стройную талию, застыла в проёме окна. Внизу беспечно перекликались пичуги и распускались венчики цветов – в Обетованном царит вечная весна, самое радостное и беззаботное время года.

– Он идёт по следу, не сомневаюсь.

Познавший Тьму склонялся над тавлейной доской. Фигурки, обычно оживавшие под его пальцами, на сей раз оставались неподвижны.

– Да, но сколько же можно молчать?

Глухо и тупо стукнул о стол передвинутый Левиафан. Сигрлинн тихонько вздохнула.

– А эти известия, от гномов из отряда Ракота, от Оррида и Керрета? Насчёт попавшегося «Дальнего»?[6 - См. роман «Удерживая Небо», с. 314.] Я могла бы отправиться сама…

Познавший Тьму лишь покачал головой.

– Там справятся без нас с тобой, Си.

– У тебя дурные предчувствия? – Она оказалась рядом, коснулась его затылка.

– Дальние не попадаются в столь простые ловушки. Если это случилось – скорее всего, по их собственному замыслу. Посланные должны вот-вот вернуться.

– А Хрофт? Отец Дружин?

– У него свой путь, Си.

Она с тревогой покачала головой.

– Хедин. Мой Хедин. Ты пытаешься объять необъятное.

– Для чего ж ещё нужны боги? – Он улыбнулся.

– Слишком много всего, – вздохнула она. – Жаль, жаль, что Упорядоченное так и не призвало меня саму…

– Почему ты так решила?

– Милый мой Познавший, мы всё-таки не зря странствовали с тобой от одного Источника к другому. Я остаюсь Истинным Магом, наверное, последним. Все прочие – не в счёт. Они не прошли посвящения. Связь прервалась. Наверное, потому ты и оставил всё, как есть, предоставив их собственной судьбе.

Познавший передвинул ещё одну тавлейную фигурку.

– Си, ты – это ты. Не маг и не богиня, просто – ты.

– Красивые слова, – насмешливо фыркнула та. – Спасибо за комплимент, дорогой.

– Вовсе нет, – Хедин не поддержал шутливого тона. – Мы всегда пытались сделаться кем-то, сравниться с чем-то. Как-то назваться. Магом, богом, силой. Чем-то ещё. – Он вздохнул. – Ракот обожает перевоплощения, наверное, ещё и потому, что устал быть именно «чем-то». Последнее время я всё больше хочу просто быть, Си. Без названий и имён. Дорога… дорога к чему-то совершенно новому – она началась там, в Эвиале, когда мы с Ракотом выбирались из ловушки, подстроенной нам смертным чародеем Игнациусом. Чародеем,

думавшим, что обхитрил всех. Страстно мечтавшим именно сделаться кем-то, кем он никогда не был.

– Дорога к новому, – эхом откликнулась Сигрлинн. – Ты видишь, куда? К чему?

– Упорядоченное должно измениться, – глухо сказал Познавший Тьму, не отрывая взгляда от тавлейной доски. – А мы, чтобы сохранить его и всех, кто в нём, должны измениться первыми.

Глава II

Альвийская гордость

Фиолетовые огни тоннелей и островерхие горы кончились. Старый Хрофт с дочерью оказались в коренном, истинном Альвланде, стране, где с самого её основания почти не бывало смертных людей. Гномов чуть побольше, ну а эльфов, разумеется, не случалось вовсе. Уж что-что, а помнить обиды – неважно, истинные или мнимые, – альвы умели чуть ли не лучше всех в Хьёрварде, превзойдя злопамятностью даже ворчливых гномов.

К западу от Альвланда некогда простиралось Хранимое Королевство, оно пало вместе с Молодыми Богами, и с тех пор там обосновалась разномастная баронская вольница. С юга надавили бонды-пахари, им вечно не хватало земли. Изначальные обитатели державы Видрира, её последнего короля, кто бежал в Южный или Западный Хьёрвард, кто подался на восток, за владения ярлов, за степи Рогхейма, где берег вновь сворачивал на полдень, а море слегка теплело.

Но многие и остались, смешавшись с новоприбывшими.

По всей некогда великой стране, ныне обратившейся в лоскутное одеяло, ещё стояли, возведённые не на века – на тысячелетия! – каменные храмы Ямерта и прочих. Иные впали в запустение, заросли лесом, деревья ухитрились пустить корни на вымощенных гранитными плитами террасах, в кронах обосновались птицы с белками, и грозный бог света мрачно взирал пустыми глазницами на шумные базары пернатых.

Иные святилища, напротив, остались как есть. Боги – они всё-таки боги, лучше уж не связываться, как бы чего не вышло. Нет, жрецов Ямерта или Ямбрена там не осталось тоже, и в храмах обосновались где купеческие гильдии, где местные правители, а где и совершенно особые люди – служители Хедина и Ракота.

На всё это альвы с высоты своих башен взирали в полном и великолепном равнодушии. Познавший Тьму победил, и это хорошо, ибо приближало Конечную и Окончательную Победу Народа Альвов; а до прочего, до дел краткоживущих людей, словно муравьи копошащихся на руинах огромной державы, альвам дела не было.

На картах Альвланд обычно изображался зажатым меж двумя горными цепями, протянувшимися с севера на юг, но при этом открытых на полдень и полуночь. Это, конечно, было не так, не таков нрав у альвов, чтобы оставлять что-то на волю природы или коварного неприятеля. Где тянулись длинные гряды холмов, перемежающиеся лесистыми долинами, альвы, не щадя сил, поднимали и поднимали из земных глубин огромные монолиты, тянули сквозь песок и глину несокрушимые гранитные скалы, ничем не уступающие естественным.

Ручейки и речки меняли русла, на месте травянистых долин вспучивались чудовищные пузыри земли, лопались, с них осыпалась земля, оставляя красноватые тела новорождённых скал. Дороги надёжно перекрывались, путь дерзким преграждали отвесные обрывы. Щели тщательно заполнялись, колючие кусты опутывали подножия, не давая даже приблизиться. На высотах поднимались островерхие башни, тонкие и изящные, в подражание эльфам, но, в отличие от эльфийских, крылось в них что-то иное, не просто воздушная красота каменного кружева и невозможных, казалось бы, висячих мостов и переходов, словно ни на что не опирающихся.

Что-то неуловимо змеиное виделось в пропорциях и обводах, смутная угроза, недвусмысленное предупреждение тем, кому достало ума его прочитать.

На хребтах Альвланда брали начало несколько быстрых горных потоков, сливавшихся потом в Отоль, главную реку Хранимого королевства. Их альвы оставили в покое. Упрятанному в междугорье их владению воды хватало и так.

Любой пахарь Восточного ли Хьёрварда, Западного ли, Северного или Южного при одном взгляде на эту долину только восхищённо заломил бы шапку, эх,

братцы, эх, землица-то какая! Вот её бы под хлеб…

Как и эльфы, альвы не пахали и не сеяли. Их кормили сады. Но если эльфы делали их неотличимыми от диких лесов, альвы постарались всё упорядочить до последней степени. Идеально ровные ряды побелённых стволов, аккуратно и единообразно подвязанные-подрезанные ветки, идеально прямые дорожки, по которым ползут тележки, словно бы сами собой.

Эльфы построили для себя Серебряный Кор, самое прекрасное из всего, созданного их расой. Альвы обратили в драгоценность весь Альвланд.

Эльфы старались, чтобы окрестности Кора казались бы нетронутыми, дикими, они делали живые деревья частью дворцов и особняков, сращивая дерево и камень, делая его живым.

Альвы отделяли камень от лона земли, обращали в драгоценности, гордые и прекрасные. И они не построили своего единственного Кора. Вместо него возник их целый десяток, в строгом порядке расположившийся в альвийском междугорье.

Конечно, внимательные хозяева не могли оставить О?дина и его спутницу без внимания. Старый Хрофт кожей чувствовал нацеленные на него взгляды магических устройств, кристаллов дальновидения и тому подобных ухищрений, на которые альвы были большие мастера.

Райна ехала молча, отставая от отца на полкорпуса. Слейпнир недовольно косился на скромную лошадку валькирии – он не привык клацать копытами по какой-то там земле. Что за глупости, особенно когда можешь скакать прямо по облакам!

– Куда мы теперь, отец? – Воительница глянула на темнеющее небо. Они были в пути почти весь день.

– Здесь, на краю Альвланда, живёт одна… моя знакомая, – сдержанно отозвался О?дин. – У неё, ручаюсь, мы найдём и стол, и дом.

У Райны в глазах мелькнуло странное выражение – легкая неприязнь, смешанная с лёгкой же ревностью.

– Она… могла бы стать матерью моей сестры?

– Клянусь собственными священными браслетами, – расхохотался владыка Асгарда, – ты славно пошутила, дочка. Нет, мы никогда не делили с ней ложа. Однако она из числа тех, с кем делил ложе бог Хедин, ещё в бытность свою Истинным Магом.

– Но ты, отец, рассказывал мне о волшебнице… или уже и не просто волшебнице… Сигрлинн?

– Сплетничать невместно владыке Асгарда! – отрезал О?дин, и валькирия тотчас испуганно примолкла. – Не наше это дело, дочь. Я лишь знаю, что Айвли была близка с Истинным Магом в стародавние времена.

– Но альвы не бессмертны, – возразила воительница. – Они долгоживущи, да, но вовсе не бессмертны. Сколько ж лет этой Айвли, ведь Новый Бог Хедин правит уже очень, очень долго?

Отец Дружин лишь пожал плечами.

– Всех секретов альвы не выдают никому. Я направился сюда ещё и поэтому – никогда не знаешь, что сыщется у них в запасниках. Они предпочитают копить силу и артефакты, не растрачивая на войны или, скажем, расширение собственных владений. Быть может, они нашли и способ продлять своё бытие сверх пределов им отпущенного. Нам, впрочем, нужно совсем другое, совсем иные таланты этой самой Айвли.

– Какие, отец?

– В стародавние времена, когда Истинный Маг Хедин дарил её своим вниманием, а я оказался этому свидетелем, она носила прозвище Оружейницы.

– Женщина? – поразилась валькирия.

– Почему это тебя удивляет, дочка? Ты ведь тоже принадлежишь к роду воительниц, весьма нечастых среди обычных женщин?

– Я дочь великого О?дина, Отца Богов и Владыки Асгарда! – возмутилась Райна. – В моих жилах – кровь Древних, кровь первых властителей этого мира! А она… это неправильно! Мужские руки должны творить оружие и броню! Руки с истинной силой!

– Не стоит высказывать это Айвли, – усмехнулся О?дин. – Но ты увидишь, что с «истинной силой» у неё всё в порядке.

– Как будет угодно тебе, отец. – Валькирия сдержанно поклонилась. – Мои уста останутся замкнуты.

– И напрасно, – заметил Старый Хрофт. – Она наверняка захочет говорить с тобой, ты, как и она, занимаешься «мужской работой». И ты станешь беседовать с ней, дочь, беседовать почтительно и с вежеством, потому что нам нужна её помощь. – В голосе Отца Дружин зазвенел металл.

– Повинуюсь, – отрывисто бросила Райна. – Твоя воля будет исполнена. – Правда, лицо её оставалось мрачно.

Дальше ехали в молчании. Валькирия откровенно дулась, идея визита и необходимости «почтительной беседы» с Оружейницей ей явно пришлась не по нраву.

Дорога вилась по холмам, то взбираясь по крутым склонам, то ныряя вниз. Встречные альвы поспешно уступали путь, почтительно кланяясь с обочин.

– Похоже, весь Альвланд знает, что мы здесь, – процедила сквозь зубы воительница.

– И пусть, – безмятежно отозвался О?дин. – Это входит в мои планы, дочь.

Валькирия вздохнула.

– Да будет всё по твоему слову, повелитель.

– Обязательно будет, – усмехнулся Отец Богов. – На сей раз – обязательно будет. Не зря же я провёл столько лет рядом с Познавшим Тьму. А уж кто-кто, а он был очень хорош в составлении планов.

* * *

В Альвланде поклонялись магии, превозносили магию, не мыслили себя вне её. Магия была водой и хлебом, светом и воздухом, без неё альвы не представляли бытия. Сидя в седле и вроде бы глядя строго перед собой, но видя при этом и всё, что творилось по сторонам, Райна замечала многочисленных големов, занятых хозяйственными работами; валькирия чувствовала короткие и злые толчки пленённой кристаллами силы, приводившей в движение механические сочленения.

Она видела каменщиков, водружавших на пьедестал возле дороги очередную статую – альв и альвийка с развевающимися, словно в танце, одеяниями, вскинув правые руки, вместе точно выталкивают в небо дивное крылатое существо с лицом альва-ребёнка. Фигуры – не из гранита или мрамора, но из диковинного полупрозрачного материала, разноцветного, в глубине которого то вспыхивали, то гасли золотистые и голубые искорки, – казались живыми, словно кто-то решил подшутить над путниками и облачился в карнавальный костюм.

Статую ставили несколько големов, распоряжался ими одинокий альв в свободной долгополой накидке. В отличие от других, О?дину и Райне он не поклонился, напротив, дерзко взглянул в глаза.

Валькирия сощурилась, чуть тронула повод, направляя лошадь прямо на наглеца.

– Не стоит, Рандгрид. – Отец Богов даже не повернул головы.

– Но все остальные поклонились!

– Не стоит, – с нажимом повторил Хрофт. – Пусть их. Они нужны нам, не мы им… хотя в последнем я не уверен. В тот миг, когда мы пересекли границы Альвланда, все здешние мудрецы, не сомневаюсь, ломают головы, что нам здесь

надо и нельзя ли как-то нас использовать к вящей славе великого альвийского племени.

– И как ты думаешь, отец, сумеют?

– Может, им будет так казаться, – усмехнулся Старый Хрофт. – И очень бы хорошо, чтобы и впрямь казалось. Меньше нам препон.

– Смеркается, – заметила Райна. – Далеко ли ещё, повелитель?

– Нет, – взглянул на небо и Отец Дружин. – Последний поворот.

Поворот остался позади. Дорога круто взяла к горам, обогнула холм и раздвоилась. Главный тракт тянулся дальше, на юг, а на восток сворачивал узкий, но тщательно замощённый отвод. «Просёлком» его назвать не поворачивался язык.

– Нам сюда, – махнул рукой Старый Хрофт, поворачивая Слейпнира.

Дорога вмиг утонула среди разросшихся кустов, с диковинными серебристо-голубыми листьями. Крупные венчики, словно детские головки, высовывались из ветвей, будто наблюдая за путниками, поворачивались следом.

Райна нахмурилась.

– Что-то это мне напоминает… – вполголоса прошипела она, касаясь эфеса. – Была у нас славная заварушка, помню, Восстание Безумных Богов. Крови пустили – хватит на доброе море.

– Слыхал, – насторожился О?дин. – Доводилось. И что же?

– Запах, – мгновенно отозвалась валькирия. – Цветочки. Так же пахли. Хотя выглядели совсем не так мило, жрали только мясо, воды не признавали, поливай их не чем иным, как кровью… Пришлось с ними повозиться, огонь не брал, яд не брал – только топором и удалось.

– Оружейница никогда не занималась «цветочками», – пожал плечами О?дин. – Те же топоры – да, сколько угодно. А вот растения, даже самые смертоносные – не её поле.

– Я просто вспомнила, отец.

– Восстание Безумных Богов я помню, – понизил голос О?дин. – Но альвов там не замечалось.

– Я сама сражалась там, отец. И тоже не видывала альвов. Но, может, они как-то помогали?

Старый Хрофт пожал плечами.

– Безумные Боги давным-давно мертвы и нам с тобой, дочь, уже не интересны. Приготовься – Оружейница станет тебя расспрашивать.

Райна лишь презрительно хмыкнула.

– Нет, дочь моя. Ты будешь внимательна и почтительна. Отвечай на её расспросы, но отвечай так, как ответила бы юная Рандгрид, не опытная и пережившая Боргильдову битву Райна.

– Я сделаю, отец, как ты велишь, скажи только – зачем?

– Альвы охотнее помогут слабым, будучи уверены, что те никогда не сделаются по-настоящему сильны. А последнее, по их мысли, невозможно без… без всего того, что есть теперь у воительницы Райны и чего не было у валькирии Рандгрид.

– Слова великого О?дина туманны, но мне кажется, я поняла.

– Ты слишком строга к себе, дочка. За минувшие века ты отлично выучилась носить маску. Даже в Долине тебя не раскусили.

– Чародейка по имени Клара Хюммель, с которой мы вместе сражались в Эвиале, знала, кто я такая.

– Знать-то знала, да ничего не поняла, – хмыкнул Отец Дружин. – Видать, само слово – «валькирия» – оставалось для неё книжным, вычитанным, пустым. Ты никогда не показывала ей своей полной силы, верно?

– Отец, я… даже если б хотела… – Райна потупилась. – Никогда ко мне не возвращалось ничего из пропавшего после Боргильдова дня. Только воинское умение, ну, сила – не чрезмерная – да долгий век.

– И очень хорошо. Вот пусть альвийка это от тебя и услышит. Смотри, мы на месте.

Узкая дорога – едва одной телеге проехать – упиралась в увитую плющом стену. И вновь – все цветы дружно повернулись венчиками в сторону новоприбывших. О?дин хмыкнул.

– Не стоит так уж опасаться нас, почтенная хозяйка. Ты узнала меня, наверняка распознаешь и в Рандгрид мою дочь. Впусти нас, есть о чём поговорить.

– Ты не слишком любезен, Старый Хрофт, – казалось, разом заговорили, или, вернее сказать, зашептали все до единого разноцветные венчики. – Сколько минуло веков, а ты всё тот же. Вежливость тебе неведома.

– Айвли, Оружейница, ты знаешь, что я говорю всегда прямо и то, что есть. Мы не тратили время на пустые приветствия, пока стоял Асгард. Меньше словесных кружев и больше дела – вот как было в мои времена. И мне, Древнему Богу, уже поздно меняться.

– Меняться никогда не поздно, – прошелестело множество тихих голосов. – Меняться и учиться.

– У нас есть кое-что, небезвыгодное для тебя, – Отец Богов подпустил в голос сдержанного раздражения, как хорошо получалось у Хедина.

– Ах, великий О?дин, великий О?дин, – вздохнули цветы, – ты всегда переходишь прямо к сути. Как же плохо ты знаешь нас, женщин, хотя всегда был окружён ими. Спросил бы хоть у своих дочерей… или у дочери, какие речи любезны нам.

– Я не мастер сладких слов, Айвли, никогда им не был. Пока стоял Асгард, это было уделом Локи и Браги. А мы с Тором предпочитали сражения разговорам.

– Ну, хорошо. – После некоторого молчания за стеной вновь вздохнули. – Я открою вам путь. В конце концов, у Оружейницы сейчас так мало развлечений…

Стену рассекли аккуратные трещины, плиты бесшумно расступились, открывая небольшой аккуратный дворик, мощёный, с расставленными тут и там кадками с цветами и карликовыми пальмами, с небольшим журчащим фонтаном перед каменным крыльцом; скромный дом в один этаж, низко спускающаяся к самому обрезу окон крыша по моде гномов или половинчиков, простенки расписаны сине-жёлто-алым узором.

На крыльце стояла закутанная в плотные покрывала женская фигура, скрывая даже лицо. Чёрный шёлк стекал волнами, окутывая её, словно лоскут истинной тьмы. За спиной хозяйки распахнутая дверь светилась багровым, словно там пылали кузнечные горны, а не, скажем, изукрашенный богатый очаг.

Райна покосилась по сторонам – никто не торопился принять их коней, да и самой конюшни тут, похоже, не было. Дворик окружали увитые зелёной порослью стены, никаких тебе сараев, амбаров или чего-то подобного. Только журчащий фонтан перед крыльцом.

Старый Хрофт спешился, не моргнув глазом – хотя встречать гостя, стоя на крыльце, считалось изрядной неучтивостью. Слейпнир недовольно покосился на фигуру в чёрном – ему это место решительно не нравилось.

– Привет тебе, почтенная Айвли. – О?дин спешился. Райна не сдержалась – гневно фыркнула. Отец вынужден был теперь глядеть на хозяйку снизу вверх, то есть ставил себя в униженное положение.

– Привет и тебе, Древний. – Альвийка не открывала лица. – Привет, хоть я и знаю, что уж коль в гости пожаловал сам старый О?дин, – жди беды. Не для того он останавливается у твоих дверей, чтобы спеть любовную серенаду.

– Поистине, – невозмутимо кивнул Отец Дружин. – Но посуди сама, почтенная, в мои ли годы гоняться за юными красавицами и заводить сладкозвучные

песнопения? Я такого не делал и в эпоху Асгарда.

– И очень зря, – отозвалась Айвли. – Быть может, всё тогда сложилось бы по-иному. Вы были слишком жестки, как старое дерево, и буря вас повалила. А гибкие молодые побеги заняли ваше место…

Райна в гневе стиснула рукоять меча так, что та едва не треснула. Как смеет эта гордячка так говорить с её отцом?! С Древним Богом, что прокладывал пути для здешних ветров и рек?!

– Твоя дочь уже дрожит от ярости, – усмехнулась альвийка, словно прочитав её мысли. – Я держу тебя на пороге и не зову войти. Почему я так невежлива, могучий О?дин?

– Потому что ты умна и осторожна, Айвли, – немедля откликнулся Отец Дружин. – Потому что с давних пор, с того самого дня, как я прознал о явлении Ямерта с присными, беды и впрямь следуют за мной по пятам.

– Зачем же ты привёл их к моему скромному жилищу?

– Потому что никто, кроме тебя, не может совладать с ними, мудрая Оружейница.

Альвийка усмехнулась под тёмным покрывалом.

– Лесть – великое оружие мужчин, даже Древних. И в особенности – Древних. Но я пожила достаточно, великий О?дин, у меня случилась моя собственная… Боргильдова битва, и потому, хоть мне приятны твои слова, я вижу стоящее за ними столь же ясно, как и побелевшие костяшки на руке твоей дочери, сжимающей меч.

– Вся твоя родня пала в бою? – поднял бровь Отец Дружин. – Моя скорбь да сольётся с твоей, однако я ничего об этом не слышал.

– Слышал, и не раз, – прозвучало из-под покрывала. – Когда твой друг Познавший Тьму оставил меня.

– О-о, – покачал головой О?дин. – Прекрасная Айвли не станет убеждать Старого Хрофта, будто та давняя история по-прежнему имеет для неё значение.

– Ты прав. Не имеет, – шелохнулся чёрный шёлк. – И, хотя моя потеря несравнима с твоей, я не прошу прощения, что назвала то моей собственной Боргильдовой битвой. Ибо тогда для меня исчез весь мой прежний мир и народился совершенно новый. Мир, в котором я стала… Оружейницей.

– И прославилась в качестве таковой! – тотчас подхватил Отец Дружин.

– Льстец, – усмехнулась Айвли, но теперь в голосе её слышался оттенок самодовольства. – Да, я стала знаменитой. Разумеется, обо мне не болтали на ярмарках или – убереги Великая Работа! – в гномьих пивных. Обо мне ведали несколько десятков… может, сотен живых и столько же призраков, задержавшихся между мирами, не больше.

Она держит нас во дворе – гнев Райны закипал всё жарче, – держит во дворе, будто слуг или посыльных. Она плетёт паутину пустых словес, играет с отцом, будто испытывает его терпение. Проклятье, насколько ж проще было иметь дело с жадными до золота гномами! Когда ей, не валькирии Рандгрид, но странствующей воительнице Райне требовался клинок, или щит, или иные доспехи – несколько самородков или цветных камней мгновенно решали вопрос даже с самыми скупыми подгорными кузнецами. Они не тратили много слов. Они делали дело. А тут…

– Именно, почтенная. Имя твоё в почёте как среди живых, так и среди мёртвых. – О?дин слегка склонил голову. – Взгляни, что я привёз тебе, и, быть может, великая Оружейница сочтёт задачу достойной себя.

– Нет, ты поистине неисправимый льстец, Древний, – делано вздохнула альвийка. – Недаром столько красавиц согласились стать матерями твоих валькирий.

Старый Хрофт слегка улыбнулся, будто молчаливо соглашаясь.

– Смотри, Айвли.

Распахнут кожаный вьюк, на протянутых руках Отца Дружин – неказистые ржавые обломки. Древняя сталь Асгарда, укрытая под коростой веков.

Несколько мгновений Айвли молчала. Она не случайно закрыла лицо, подумала Райна. Альвийка не желала, чтобы мы видели её чувства.

– Надо же, – преувеличенно спокойно и медленно сказала наконец Оружейница, – никогда б не подумала, что ещё хоть раз увижу сотворённое в Асгарде. Когда я пришла в мир, от вашей твердыни, Ас и валькирия, давно не осталось даже пепла. Я никогда не ступала на равнины Иды, лишь читала о них записанные эльфами, – глаза альвийки чуть сузились, – предания. Но это…

– Как же ты поняла, что у меня в руках именно сталь Асгарда? – с невинным выражением поинтересовался О?дин.

– Она жива. Она дышит. И она помнит. Вы сами не ведаете, насколько вы были сильны, Древние. Для вас бессмертие – нечто само собой разумеющееся, а лучшие маги альвов тратили века на разгадку этой тайны и лишь смогли удлинить своё бытие, но не избыть его конечность, – Айвли замолчала. Райна слышала её участившееся дыхание – слухом валькирии, конечно же, не просто воительницы. – Я была права. Беды идут за тобой, мчат на тёмных крыльях, злые вестники беды…

– Ты заговорила, словно эльфиянская пророчица, Айвли. Прославленной ли Оружейнице бояться каких-то смутных предсказаний и пророчеств?

– Мне было предсказано, – прошелестело из-под покрывала, – что Познавший Тьму, Хедин Ундардемолто – Дарующий Знание оставит меня. Что я для него – лишь орудие, нужное, пока ему потребна помощь альвов. Что, кроме меня, у него будут и другие подруги из нашего народа. Тоже орудия, как я, и их путь вместе с ним окажется ещё короче моего. Все те пророчества сбылись, Древний Бог О?дин.

– Кто же изрёк их, почтенная? Как имя того пророка?

– Ах, О?дин, великий О?дин, ты не понимал тогда и не поймёшь теперь. Тихий ветер и скользящие вечерние тени, текучая вода над погружённым зеркалом, голоса ночных птах. Всё вместе, О?дин, всё, в чём альвы умеют видеть знаки

судьбы. И сейчас, стоило тебе оказаться возле моего порога, как я ощутила то же самое. Века протекли в Хьёрварде, а я помню те чувства, словно всё приключилось только вчера.

– И что же они говорят тебе, Оружейница?

– Что говорят? – Голос альвийки вдруг зазвенел гневом. Мелькнули тонкие руки, сорвали и отбросили чёрный шёлк. Серые глаза в упор взглянули на Райну, и валькирии понадобилась вся твёрдость, чтобы не отвернуться и не явить малодушия. – Они говорят, что пришло моё время. Входи, отец умерших богов, и ты, валькирия, карающий меч в его длани. Несите ваше железо. Я выслушаю, что оно мне скажет.

– Благодарю, почтенная Айвли, – спокойно отозвался Старый Хрофт, слегка склоняя седую голову. – Благодарю за приглашение.

* * *

Айвли вновь закрыла лицо чёрным. Туда, где жила сама, гостей не пустила, даже не позвала – двери остались плотно закрыты. Сама же альвийка быстро спускалась, почти бежала, по ведущим вниз ступеням; начинавшаяся прямо от порога лестница была вырублена в дикой скале и вела всё вниз, вниз и вниз.

Слейпнир и лошадка Райны так и остались во дворе, неприкаянными.

Голые серые стены, камень – и ничего больше. Становится всё жарче, снизу пробивается багровый свет. Сжимается, становится почти осязаемой разлитая по всему Упорядоченному сила, сила свободной магии, собранная здесь воедино, в густые пучки какими-то особыми альвийскими устройствами. Райна шагала следом за Старым Хрофтом, не отпуская эфеса и порой оглядываясь. Всё это очень напоминало преддверие логова какого-нибудь самоуверенного колдуна из смертных; таковых ей довелось истребить немало. И ещё – это на самом деле до боли начинало напоминать Восстание Безумных Богов.

Потому что Оружейница была безумна. В этом Райна не сомневалась с того самого мига, когда Айвли открыла лицо. Идеально правильные, скульптурные черты, словно из-под резца истинного мастера, брови вразлёт, высокие скулы,

огромные серые глаза… и безумие в них. Ночь властвовала там, ночь, за которой не наступал рассвет.

– Моя мастерская, – отрывисто бросила альвийка, когда спуск наконец кончился.

Вправо и влево тянулись закопчённые каменные своды, поддерживаемые изящными, несмотря ни на что, колоннами. Возводивший их думал не только лишь о надёжности, он не забыл и о красоте.

Воздух, казалось, дрожал от магии. Свет давали подвешенные к потолку кристаллы, но не привычного фиолетового, а алого или багряного цветов. Зияли распахнутые пасти огромных печей, рядом с ними высились исполинские мехи, наверняка соединённые трубами с поверхностью. Ближе к печам и пол, и потолок являли собой настоящий лес торчащих раструбов, тонких, в руку, или широких – в целый обхват.

Туда и сюда тянулись протянутые под потолком же цепи со свисающими крючьями, нехорошо напоминавшие бойню или пыточный застенок. Застыли зубчатые колёса, предназначенные тянуть всё это; замерли громадные механические молоты, приводимые в движение сложной системой шестерён и шкивов, нависая над наковальнями, где спокойно уселось бы полдюжины плечистых гномов.

Однако огонь в топках не горел, не вращались шкивы, не двигались цепи и зубчатые колёса – огромная мастерская казалась покинутой.

Только в углу, у небольшого тигля, где стояли полукругом каменные столы, заметно было, что здесь поработали живые руки.

Печь для накаливания, тигли, горн, мехи, горелки, бутыли зелёного стекла с неведомыми субстанциями – это скорее напоминало рабочий стол алхимика, чем оружейника.

– Клади их сюда, – нетерпеливо бросила Айвли. – Сейчас я распоряжусь насчёт еды и питья. Думаю, Старый Хрофт, тебе сейчас куда важнее мои слова, чем мясо или вино.

– Ты, как всегда, права, – кивнул Отец Дружин. – Хотя ни от мяса, ни от вина мы с Рандгрид не откажемся.

Альвийка молча кивнула.

– Ждите меня здесь и ничего не трогайте! Так, железо можно оставить здесь, почтенный О?дин. Так… а теперь…

Над разложенными обломками она подвесила мягко светящийся фиолетовый кристалл правильной формы, провела руками раз, другой и третий, совершая странные пассы. Всякий раз валькирия ощущала болезненный укол в шею, словно впивалась оса; но, конечно же, радости видеть свою боль она альвийской гордячке не доставила.

– Ждите здесь, – вновь бросила Оружейница, исчезая за низкой малозаметной дверкой в стене.

– И ничего не трогайте, – усмехнулся О?дин, внимательно оглядывая рабочие столы альвийки. – Не будем, не будем. Познавший Тьму бы не преминул, а нам и впрямь ни к чему.

Райна послушно молчала. Здесь сильнее, чем где бы то ни было, она вновь ощущала себя словно в давно минувшие дни Безумных Богов.

Оружейница не заставила себя ждать. Чёрные шелка исчезли, сменившись простой курткой, широкими портами и кожаным передником. Волосы покрывала валяная шапка, на руках – кожаные же перчатки и как бы не из драконьей чешуи.

Альвийка подержала фиолетовый кристаллик в ладонях, словно согревая озябшую пичугу.

– Старая сталь говорит… она устала лежать в земле. Она жаждет – огненного перерождения.

– Подобную поэтику всегда любили эльфы, – с неожиданной жёсткостью сказал Отец Богов. – Это мне ведомо и так, Оружейница. Скажи, что ты можешь

сотворить из этого?

– Многое, Старый Хрофт, очень многое. – Голос альвийки зазвенел от обиды. – Ты прав, я говорила… недостойно моего народа и нашей Великой Работы. Но скажи сперва, что тебе нужно? При всех моих знаниях едва ли я сравнюсь с мастерами, что выковали твой сказочный Гунгнир.

– Гунгнир сломался в тот миг, когда был нужен мне более всего, – спокойно сказал О?дин. – Выковавшие его подвели меня.

– Я читала… его сломал кто-то из Молодых Богов?

О?дин кивнул.

– Сам пресветлый Ямерт его и сломал. С лёгкостью. Но прежде чем говорить, что нужно мне, взгляни на мою дочь. Валькирия Рандгрид, Разбивающая Щиты. Последняя из Тринадцати. Уцелевшая на Боргильдовом поле и потом сражавшаяся в бесчисленных войнах по всему Упорядоченному. Ей требуется достойный клинок.

Оружейница поправила выбившуюся из-под шапки смоляную прядь.

– Хорошо, великий О?дин. Путь твоя дочь приблизится.

Райна стиснула зубы и шагнула к альвийке. Сказать, что воительнице не нравилось творящееся тут, – значило не сказать ничего.

Оружейница обошла застывшую валькирию кругом, бесцеремонно её рассматривая, словно лошадь на ярмарке или рабыню в невольничьих рядах. Райна стиснула зубы, сохраняя каменное выражение.

– Я не слишком-то ей нравлюсь, твоей своенравной дочке, – усмехнулась альвийка. – Не знаю, удастся ли мне ей помочь.

– Удастся, – твёрдо сказал О?дин. – Рандгрид – истинная валькирия. Гордость – всё, что у неё осталось, только гордость и помогла ей выдержать все эти бесчисленные века. Ты понимаешь её, как никто, Оружейница. Потому что тебе

помогает тоже одна лишь гордость.

Во взгляде альвийки что-то на миг дрогнуло, проглянуло что-то слабое, беззащитное – и тотчас исчезло, канув на дне серых глаз.

– Рандгрид, – она протянула валькирии руку, – тебе нет нужды злиться на меня. Я тебе не враг. Ты прожила куда больше моего, видела и пережила несравнимое с моим. Не хотела тебя задевать. Но, чтобы сработать клинок, достойный Разбивающей Щиты, я… должна знать, что ты – мой друг. Золотом меня не купишь, я ничего не делаю за деньги.

– Но без денег не достать множества магических ингредиентов, – встрял Старый Хрофт. – Не хочешь же ты сказать, что всё потребное тебе доставляют птахи небесные!

– Правители Альвланда часто обращаются ко мне с просьбами, – Оружейнице явно не хотелось отвечать, но деваться было некуда, а лгать самому О?дину, близкому другу Познавшего Тьму, она, похоже, не рискнула. – Я выполняю их, потому что они идут на благо моего народу и нашей Великой Работе. За свой труд я… получаю кое-что взамен.

– Решительно не понимаю, почему ты этого не то стыдишься, не то считаешь, что должно быть как-то по-иному, – пожал плечами Отец Дружин. – Я мог позволить себе подобное, будучи владыкой Асгарда. Потом, когда от него остался один пепел, я на многое взглянул по-иному. Но речь сейчас не о тебе и не обо мне. Я тоже готов… предложить тебе кое-что взамен, если ты выполнишь эту мою просьбу.

– Я выполню её. – Альвийка опустила голову, чёрная как ночь прядь вновь упала ей на лицо, и Райна сжала зубы – она не могла различить ни единого отдельного волоса; прядь казалась лоскутом сплошного мрака. – Что же до всех и всяческих «взамен»… я скажу тебе по секрету, что мне нужно, – когда закончу работу и ты, Отец Богов, сочтёшь её достойной.

– Да будет так, – оттенки древней торжественности не вымыли из речей былого Владыки Асгарда ни Боргильдова битва, ни долгие века полного, убийственного одиночества.

– А теперь скажи мне, великий О?дин, скажи мне что-то больше, чем просто слова о клинке, «достойном валькирии».

– Что же можно сказать также великой Оружейнице? – О?дин напоказ пожал плечами. – Я сумею выковать подкову или простой нож, но не более. Вглядись в неё, Айвли. Увидь магию, текущую сквозь Рандгрид, узри след прошедших столетий – и ты лучше меня скажешь, что нужно ей.

– Валькирия. – Оружейница шагнула к ней, взглянув прямо в глаза. В поднятой руке мягко светился фиолетовым всё тот же кристаллик. – Вспомни. Вспомни свои самые лучшие битвы, свои лучшие мгновения, когда ты была поистине счастлива. Не стесняйся – кроме меня, этого никто не увидит.

– Я не стесняюсь, многознающая Айвли. Я – Рандгрид, последняя из Тринадцать, как сказал мой отец. Вместе с сёстрами я носилась под грозовым небом, радуясь пляске молний и громовым раскатам, что разносились, когда в битву устремлялся рыжебородый Тор, мой единокровный брат. Я упивалась сражениями, я была счастлива моим искусством, я забывалась, когда моё копьё плясало, отражая выпады врага-ётуна. И да, самое жгучее, самое горячее, самое неистовое счастье я испытала, когда на Боргильдовом поле валькирии мчались в свою последнюю атаку. Впрочем, тогда мы ещё не знали, что она воистину последняя…

Оружейница мерно кивала, не отводя взгляда. Кристалл в её руке мерцал в такт словам воительницы.

– Говори, валькирия Рандгрид. Говори ещё.

– Я пережила Боргильдову битву. Я научилась жить одна, без отца и сестёр, без нашего долга и нашего дома. Я всё так же сражалась, за то, что сама почитала справедливым. В тех битвах было меньше упоения и больше заботы о тех, кто дрался со мной плечом к плечу. Но я всегда помнила, кто я такая, и что там, где бьётся валькирия Рандгрид, незримо бьются и все остальные асы.

– Красивые и гордые слова, и красота их не пустая… – прошептала Айвли, поднося близко к глазам фиолетовый кристалл и словно бы читая в его глубине одной ей понятные символы. – Расскажи ещё, валькирия. За что ты станешь сражаться теперь, когда ты нашла своего отца?

Дочь О?дина не колебалась ни мгновения. Оружейница должна видеть валькирию Рандгрид, никак не воительницу Райну.

– Я буду сражаться там, куда поведёт меня мой отец. Слишком долго мы, асы, оставались в неизвестности. Пришла пора нам обрести наш собственный дом, дом, достойный аса, а не лесного отшельника или странствующей наёмницы. Воля О?дина священна, и она укажет мне путь!

Старый Хрофт невозмутимо выслушал горячую тираду Райны, не моргнув глазом.

– Понимаю, – шепнула Айвли, несколько раз часто сморгнув. – Вы пришли из прошлого, пришли, чтобы потребовать по справедливости положенной вам доли…

– Мы не требуем никакой доли, – быстро сказал О?дин, выставляя ладони, словно купец, отпирающийся от невыгодной сделки. – Нет-нет, мы ничего не требуем. Моя дочь… выражается несколько цветисто, но ты должна извинить её, Оружейница, ибо так положено говорить истинной валькирии…

Райна только кивнула – с мрачной торжественностью.

– Валькирия без оружия – не валькирия. Сотни и тысячи клинков прошли через мои руки, иные из них – работы знаменитых гномьих мастеров; они были хороши – для наёмницы, не для валькирии. Но дни моего изгнания кончились. Великий О?дин вернулся, и пусть мир приготовится!

Улыбка Старого Хрофта, казалось, говорила «молодец, дочка!».

– Прости Рандгрид её понятную горячность, Оружейница.

– Хотела бы я иметь такую, – вдруг сказала альвийка, жемчужные зубы на миг прикусили нижнюю губу. – Хотела бы я иметь такую дочь… или сестру. Или мать.

– Жизнь – это искусство возможного, – Старый Хрофт философски пожал плечами. – Я привык думать о достижимом.

– Ты, бог? Кому открыты океаны великой силы, о какой я, хоть и наделённая долгим веком, но смертная, могу только мечтать? Зачем ты вообще пришёл ко мне, О?дин, разве тебе не по силам вдохнуть новую жизнь в это железо?!

Ледяная маска исчезла, серые глаза впились в изрезанное морщинами, полускрытое седой бородой и длинными усами лицо Старого Хрофта.

– Не по силам, Оружейница. – Отец Дружин покачал головой. – Не знаю, отчего ты мне не веришь. Ведь и копьё Гунгнир для меня сработали другие.

– Вот потому-то его и смогли сломать. – Альвийка пыталась справиться с собой, точно стыдясь недавней вспышки. – И вот потому-то я всё для себя делаю сама. Ты ошибаешься, великий О?дин, мало кто понял это – не подведёт лишь оружие, что ты выковал себе сам.

– Совершенно верно, – кивнул Отец Дружин, любезно улыбаясь Айвли. – Скажи мне только, Оружейница, а молот, к примеру, тоже я должен делать себе сам? Помню, было дело, в стародавние времена, начинал я с камня, привязанного к палке, пока не смастерил нечто получше.

Отец играет с ней, с изумлением подумала Райна. Каждое слово, каждая фраза – с двойным дном, а то и с тройным. Он словно не сомневается, что нас подслушивают, и ведёт свою роль не для меня и, уж конечно, не для альвийки, но для незримых наблюдателей, не отрывающих от него внимательных холодных глаз.

Как же это не походило на отца, прямого, словно меч, и редко скрывавшего свои мысли! Он мог молчать, мог быть резок или неразговорчив – по-разному; но слово О?дина было словом О?дина, ложь он не позволял себе, даже говоря с врагами.

Всё теперь по-иному? Меняются даже Древние Боги?

Альвийка меж тем хмыкнула, отвела взгляд, делая вид, будто ничего не случилось.

– Хорошо, – буркнула она. Чёрная прядь, словно язычок тёмного пламени, вновь упала поперёк её щеки. – Я слышала тебя, валькирия. Будет тебе меч, всем гномам на зависть. Память той силы, что осталась в железе… твоя собственная память… взятые вместе… интересно. Никогда ещё такое не попадало мне в работу. – Альвийка бесцеремонно взяла Райну за запястье, подняла ей руку, повернула, подёргала, словно ребёнок куклу. Валькирия ощутила, как тонкие, но очень сильные пальцы вдавливают в подкольчужную рубаху кольца доспеха, следуют вдоль вен и артерий, прощупывают мышцы и сухожилия. Было неприятно, но Райна терпела.

– Интересно… – выдохнула наконец Оружейница. – Интересно… сила вливается в тебя, входит свободно, так же, как воздух в грудь при дыхании. Да… я понимаю, почему ты бессмертна. Собственно, наши чародеи догадались уже давно, составили все нужные трактаты, вывели формулы… вот только применить их на деле не получалось.

– Боюсь, я не поспеваю за твоей мыслью, Айвли, тебе придётся извинить Старого Хрофта.

– Льстец… – чуть дрогнули уголки тонких губ. – Ведомо ли тебе, валькирия, почему время не властно над тобой?

– Потому что… я дочь истинного бога? Древнего бога, по праву властвовавшего в Митгарде и иных местах?

– Настоящая валькирия, – не слишком почтительно усмехнулась альвийка. – Нет, не потому. Всё сущее, всё Упорядоченное пронизывает великая сила, называемая иными «магия». Она даёт жизнь всем, кто дышит, от мельчайшей травинки до самых грозных драконов. Мы живы, пока способны… воспринимать её, пока наше тело вбирает её в себя. А когда мы становимся подобны камню посреди бурного потока, когда сила начинает обтекать нас, пениться и закручиваться, словно в водовороте, нам приходит черёд умирать, отдавая души… тем, кто успеет до них дотянуться. Ты же всегда открыта для великого потока, он всегда с тобой. Для тебя он не иссякнет никогда, лишь вместе с концом этого мира. Я должна учесть это, когда стану делать для тебя меч.

– Я благодарю тебя за тщательность, Оружейница.

– Спасибо на добром слове, великий О?дин. – Улыбка Айвли вышла бледной и какой-то несколько испуганной. – Мне есть ради чего трудиться, поверь мне, и это отнюдь не… не что-то, что ты мог бы предложить мне взамен.

– Тем не менее я предложу. – О?дин оставался спокоен, вежлив и не вдавался в подробности. Оставляемые альвийкой словесные приманки он словно не замечал. – Дальнейшее уже будет в твоих руках, Айвли.

Та лишь молча и отрывисто кивнула.

– Работа займёт некоторое время. – Она продолжала крутить Райну перед собой, заставляя то вставать на цыпочки, то приседать, то замахиваться деревянным мечом, то прикрываться щитом. – Не думаю, что в моём доме вам будет удобно, великий О?дин, и ты, валькирия Рандгрид, и не боюсь показаться невежливой.

– Где же нам ожидать? – Против ожиданий Райны, отец и виду не показал, что задет подобным пренебрежением.

– Я открою вам путь. Поедете прямо на восток, через рубежи Альвланда, в полудне пути будет селение. В нём порой останавливаются те немногие торговцы, которым разрешён доступ в Альвланд, там есть постоялый двор. Великому О?дину, другу столь же великого Хедина и валькирии Рандгрид там будут рады.

– Как будет угодно хозяйке дома сего. – Старый Хрофт развёл руками с шутливой покорностью.

Альвийка дёрнула плечом, словно в раздражении.

– Сперва сделаем клинок для твоей дочери. Потом посмотрим, чем я смогу помочь тебе.

– Ни о чём большем я и не мечтаю.

– Не рассказывай мне сказки, великий бог, я не деревенская дурочка, всё равно не поверю. Ты мечтаешь о большем, о настолько большом, что и сказать нельзя.

Скулы Старого Хрофта закаменели, подбородок гордо вздёрнулся.

– Оружейница, я много старше тебя. Не суди о моих мечтах, прошу тебя. Я уважаю тебя и нуждаюсь в твоей помощи, но не заставляй меня терпеть…

– Если нуждаешься – потерпишь, – резко перебила альвийка. – Мы с тобой не так уж сильно отличаемся. Мы оба в своё время решили, что стоим вровень с… с Познавшим Тьму, и мы оба ошиблись. Ты так и не обрёл своей прежней силы, я… – Она вдруг отвернулась. Райна готова была поклясться, что Оружейница подавила всхлип. – Впрочем, неважно. Мы с тобой равны, вот что я хотела сказать.

– Быть может, – ровным голосом сказал Отец Богов. – Мне не хотелось бы спорить о равенстве, первенстве и тому подобных вещах. Я много странствовал, я видел множество мест, миров, времён, сидел за столами с королями и нищими, с великанами и ведьмами, и никогда не думал о том, кто с кем стоит вровень. Когда пируешь за столом знатного ётуна или делишь краюху с бедным нищим, ты всегда вровень с ними. Сделай своё дело, Оружейница, и О?дин не останется в долгу. Ты знаешь, я умею их отдавать.

– О да, – скривилась альвийка. – Ты умеешь отдавать долги. Ты победил Ямерта и иже с ним, верно. Но они по-прежнему живы, по-прежнему бродят где-то по тропам Упорядоченного, а твоя родня, твои сёстры, валькирия Рандгрид, ушли навсегда.

– Вот поэтому-то нам и нужны новые мечи, – улыбнулся Старый Хрофт. – Ты всё поняла правильно, мудрая Оружейница.

– Неужели? – Та подняла взгляд. – Похвала великого О?дина стоит поистине дорого.

– Она стоила дорого – в те дни, пока стоял Асгард и мой трон возвышался в дальнем конце пиршественного зала Валгаллы. Сейчас же это просто похвала усталого путника.

Альвийка вновь обожгла Старого Хрофта взглядом и ничего не сказала.

Интерлюдия 2

Гномы стояли на коленях, низко опустив головы. Сигрлинн застыла у окна, на бойцов Подгорного Племени она смотрела с нескрываемой жалостью. Познавший Тьму неспешно прохаживался туда-сюда, с известным раздражением поглядывая на нарочито-униженную позу его подмастерьев.

– Сколько раз я вам толковал – чего вы тут пол бородами метёте? Неудачи случаются у всех.

– Не у учеников великого Хедина, – выдавил один из гномов.

– Довольно! – Познавший Тьму повысил голос. – Вы отправились к ловушке, якобы захватившей Дальнего, так? Но вместо него нашли там молодых драконов, так? То есть западня оказалась, по сути, пустой, так? А эти создания очутились там, скорее всего, случайно?

– Аэтерос, ты милостив. – От стыда гном едва шевелил губами, кажется, побледнела даже рыжая борода. – Мы не заслуживаем снисхождения.

– Это уж предоставьте решать мне самому, – бросил хозяин Обетованного. – В чём именно вы себя вините?

– На нас напали, Аэтерос. Ударили и вырвали добычу. Подстерегли у самой ловушки, дождались, пока мы начали вязать, и… Сейдран тяжко ранен, невесть, выкарабкается или нет. – Рыжебородый гном с отчаяния запустил в волосы всю пятерню, дёрнул что было силы и, наверное, остался бы без целого клока, не опереди его Сигрлинн, удержавшая воина.

– Расскажи ещё раз. Только теперь спокойно и без этой драмы, – потребовал Познавший Тьму.

– Повинуюсь, Аэтерос! Получив приказ великого Ракота Восставшего, мы без промедления…

– С промедлением… – буркнул другой гном, с бородой цвета каштана.

– С промедлением, – горестно кивнул рыжебородый. – С промедлением отправились к ловушке, донельзя гордые собой… мы не сомневались, он никуда не денется. И потому…

– Но вы же, я уверена, не задавались целью сравнить достоинства пива во всех попадавшихся на пути трактирах? – засмеялась Сигрлинн. – Вы же шли сквозь Межреальность, нигде более не останавливаясь?

– Именно, прекрасная госпожа. Нигде более не останавливаясь. И всё равно – опоздали. Когда мы приблизились к ловушке, нас ждала засада.

– Засада? И вы, ученики великого Хедина, ничего не заметили, не почувствовали? – Сигрлинн нахмурилась.

– Виноваты… – заскрежетал зубами гном с бородой цвета охры. – Слишком самоуверенны оказались. Молодые драконы, опять же… не Дальний.

– Почему вы так уверены? – Сигрлинн решительно брала бразды разговора в свои руки. Познавший Тьму не препятствовал, лишь улыбнулся едва заметно. – Кто знает, какие они могут принимать формы? Мы все слышали о зелёных кристаллах, но разве можно утверждать наверняка, что ничего иного быть в принципе не может?

– Спасибо, госпожа Сигрлинн, но мы сами ведаем, что виноваты. Мы поняли, что в ловушку попался совсем не Дальний, что наши чары оказались недостаточно отработаны. Тем не менее четверо молодых драконов в Межреальности – редкостная добыча. Мы начали их вязать – и в этот момент получили.

– От другого дракона?

– От чародейки, очень сильной чародейки, госпожа.

– И одна из драконов, самочка, назвала её «мамой». Мы все слышали.

Сигрлинн подняла бровь.

– Самочка дракона назвала чародейку-женщину «мамой»? Вы разглядели её, эту волшебницу? Эхо её заклятий?

– Нет, госпожа, – рыжебородый гном вновь упёр взгляд в пол. – Закрыта она была, гадюка, хорошо закрыта! Ничего было не разобрать, лицо смазано, зыбко, как рябь на воде.

– Задала она нам жару, – тоже глядя в пол, пробурчал гном с каштановой бородой, заплетённой причудливыми косицами. – Она – одна, нас – восьмеро, думали, враз задавим. Ан куда там! Как пошла огнешарами кидаться, насилу отбивать успевали.

– Если она и впрямь мать этого выводка, неудивительно. Драконихи сожгут ради одного детёныша целый мир и не поморщатся.

– Не все, – негромко напомнил Хедин.

– Не все, – согласилась Сигрлинн, – но большинство. Но я всё равно не понимаю. Откуда там взялся выводок? Где они вылупились? Почему их мать оставалась в человеческом облике? Кстати, какая доля драконьего племени способна на такое?

Гномы виновато молчали.

– Неужто ничего не заметили? Совсем-совсем ничего?

– Заметили, – подал голос третий из гномов. – Саму чародейку словно кокон скрывал, как уже сказано было, черты размытые, не поймёшь. Но вот оружие её я разглядел, прекрасная госпожа Сигрлинн. Теперь я его где угодно узнаю. Уж больно приметна – не посох, не меч, но шпага, узкая, с рубинами на эфесе, да такими, что сквозь кулак просвечивали.

– Точно, – подхватил охрянобородый. – Оррид всё верно речёт. Шпагу ту мы надолго запомним. Не по руке она простому магу, госпожа Сигрлинн, истинно говорю, не по руке.

– Рубиновая шпага? – задумался Познавший Тьму. – Я вспомню множество мечей, палашей, бастардов и прочего оружия, украшенного рубинами. И с немалой магической силой. Вообще, в Упорядоченном множество сильных чародеев. – Он пожал плечами. – Тем более если эта чародейка на самом деле из рода драконов. При их-то тяге копить сокровища и магическое оружие… Не стоит убиваться и клясть себя, гномы. Вы сделали, что могли и даже больше. Вы живы, вы вернулись с важными сведениями. Отдыхайте, пока есть немного времени, скоро, полагаю, подоспеют вести от Восставшего, вашим бомбардам найдётся работа.

– Нет, Аэтерос, – тихо, но упрямо возразил рыжебородый гном. – Я, Керрет, не просто так в твоих ратях хожу. Не простая то была дракониха, даже и в ярости, детей защищавшая. С такой мы б справились. Что мы, с братовьями на драконов не хаживали? Да сколько раз такое было, когда у тех ум за разум заходил, и принимались они всё вокруг жечь да огнём палить! Мамку-то свою она по-человечески звала, людским наречьем. «Мама» – оно ведь у смертных только, ну и у эльфов тоже. А драконы ничего подобного кричать бы не стали. Мы б вообще ничего не услышали, они мыслеречью б обошлись. Не дракониха это была, мню.

– Мню… – чуть усмехнулся Хедин, но увлёкшийся гном не обратил внимания на улыбку Аэтероса.

– Хуже того! – нёсся он на всех парусах. – Думаю, та чародейка где-то гнездо драконье разорила, яйца себе забрала, колдовским огнём согревала, пока не вылупились, вот они мамкой её и кличут. Как бы тут новыми Безумными Богами не запахло, Аэтерос, как бы не армию драконов не творила себе та магичка! Мало кто способен себе драконов подчинять…

– А если такие и есть, то лишь в Долине Магов, – перебил гном с каштановой бородой.

– Там и искать надо начинать, – поддержал третий гном.

– Зачем? – пожал плечами Хедин. – У нас хватает иных забот.

– Они правы, – вдруг согласилась с подгорными воителями и Сигрлинн. – Прошу тебя, Познавший Тьму, отправь весть Хагену. Пусть узнает про рубиновую шпагу. Вещь и в самом деле приметная, скорее всего, попадалась ему на глаза такая,

если и впрямь та чародейка из Долины. Спрос невелик, дело нетрудное. Нет – так нет, я сама первая обрадуюсь. А вот если да…

– Что тогда, Си?

– Тогда это значит, что в Долине – измена. – Сигрлинн после этих слов молниеносно перешла на неслышную подмастерьям мыслеречь. – Кто знает, насколько широк был заговор Игнациуса? Что, если он орудовал не один? Что, если у него остались последователи? Или ты запамятовал, о чём мы толковали с тобой и Ракотом?[7 - См. роман «Память Пламени», с. 33–34.]

– Не запамятовал, и кой-чего мы с Хагеном там учинили, – так же неслышно для гномов ответил Познавший. – Но всё равно, разве это сейчас главное? Источники. Тёмная пуповина. Исчезнувший Мимир. Затаившийся Спаситель. Отбитое нападение на Хьёрвард…

– Всё верно, дорогой мой. И нельзя забывать эту Гулльвейг с Ночными Всадницами. Но, если в Долине Магов затаилась измена… Уже изменил Игнациус. Могут изменить и другие. Даже те, от кого ты того никогда бы не ожидал, как не ожидал и от этого двуличного архимага.

Хедин остро взглянул прямо в лицо волшебнице.

– Да. Изменить может каждый.

Последние слова он произнёс вслух.

Глава III

Храм Познавшего Тьму

– За что люблю альвов, так за их непревзойдённое самомнение. – Старый Хрофт и Райна неспешно ехали рядом от идеально замощённой дороги, приближаясь к указанному Оружейницей постоялому двору. Ждать им предстояло не менее семи дней – куда меньше, что нужно подгорному мастеру, чтобы выковать

хороший клинок, и куда больше, чем требуется простому кузнецу, чтобы сработать кое-как грубое подобие меча. – Айвли поможет нам, хочет она того или нет, поможет, потому что это… гм… совпадает с её планами.

– Какими же, отец? – Валькирия ехала, не отпуская рукояти меча, хотя здесь, у границ Альвланда, им едва ли что-то могло угрожать.

– Неведомо, – О?дин уклонился от прямого ответа. – Да нам это и не важно. Я знал, что какие-то планы наша Оружейница точно вынашивает. Это у альвов в крови. Вечное состязание с Перворождёнными. Из штанов выпрыгнем, но вставим эльфам шпильку. Не сомневаюсь, что Айвли имела в виду что-то подобное.

Райна почтительно кивнула, но в душе валькирии уже прочно обосновались сомнения. Отец был сам не свой. Говорил совершенно не так, совершенно не так смотрел, стоял, держался. Прежний О?дин, Древний Бог, её родитель, которого она успела узнать вновь за время их странствий по Хьёрварду, – исчез, сгинул бесследно. И на его месте появился… пожалуй, больше всего он напоминал мессира Архимага, достопочтеннейшего и многоучёнейшего Игнациуса Коппера. Уж кого-кого, а сего мессира Райна знала более чем хорошо. И за время долгой службы в Долине Магов, и за время странствий с кирией Кларой.

И это было… тревожно. Тяжело и неприятно.

– Отец, я… не помню тебя таким. – Валькирия не стала прятать чувства. – Я слишком долго была одна, чтобы потерять тебя вновь, увидеть на твоём месте… хитреца.

– Узнаю мою младшую, мою Рандгрид. – Улыбка Отца Дружин получилась невесёлой. – Слова её прямы, словно копьё. Нет, дочка, я не сделался подобным Локи. Хотя, право же, его хитрость выручала нас порой лучше, чем молот Тора.

– Молю тебя, отец, не становись подобным богу огня, – Райна умоляюще прижала руки к груди.

– Не стану, дочка, – вздохнул Старый Хрофт. – Но с альвами иначе нельзя. Если с ними не хитрить, не крутить, не вести словесной игры – сочтут, что ты ими пренебрегаешь. Я просто старался всё сделать по правилам, ничего больше.

Понимаю, понимаю, иная маска прирастает к лицу и становится второй натурой? Помню эти сказания. Но тебе нет нужды бояться. Я не отравился альвийскими хитростями за все века своего изгнания, не отравлюсь и на сей раз. Нам просто нужны мечи, а Оружейница – лучшая, кто сможет их выковать. Оживить древнюю сталь Асгарда по силам только ей.

– Почему ты так уверен, отец? Упорядоченное огромно. В той же Долине Магов, где я провела столько времени, нашлись бы умельцы или те, кто подсказал бы, где найти таких.

Старых Хрофт лишь покачал головой.

– Эта сталь родилась здесь, в Хьёрварде, в пределах Митгарда. Здесь ей и оживать.

– Почему? – недоумевала валькирия. Впрочем, нет, уже не валькирия Рандгрид, но воительница Райна. – Межреальность не вредит артефактам, можешь мне поверить, отец. Я перетаскала их на своей спине великое множество.

– Верно, – кивнул владыка Асгарда. – Скажу лишь так, дочка, – это входит в мой план. Мне нужно, чтобы мечи выковала бы именно Оружейница – во-первых, потому что она и впрямь отлично знает своё дело, а искать других умельцев у нас нет времени и, во-вторых… во-вторых, потому что просто во-вторых. В своё время поймёшь, Рандгрид.

– Хорошо, отец, – после паузы отозвалась валькирия.

Воительница Райна едва заметно нахмурилась.

…Постоялый двор оказался хорош. Здесь впервые владыка Асгарда и его дочь увидели людей и гномов так близко к рубежам Альвланда.

– Надо же, – искренне удивился О?дин. – В былые времена такого и представить никто б не смог. Не любил народ так близко к альвикам селиться, да, не любил… Вроде и не покидают альвы свою страну, но… Горы, они, знаешь ли, только в сказках надёжная защита. Эй, хозяин!

Подскочил дородный содержатель таверны, почтенных размеров брюхо колыхалось, словно квашня.

– Великий бог О?дин, друг великого Хедина, Познавшего Тьму, владыки сущего, да продлятся дни его, как и дни брата его Ракота, на вечные времена!.. какая честь, какая великая честь!

– Довольно бить поклоны, – величественно пророкотал Отец Дружин. – Покажи лучше, что у тебя на кухне. Уж коль тебе известно моё имя, то наверняка известно и что я люблю хорошо поесть. Всего самого лучшего, да поживее!

Прислуживал Старому Хрофту и Райне сам хозяин. Надо сказать, делал он это с изрядной ловкостью, а поданная еда, хоть и простая – печёная дичь, овощи, домашние соленья, хмельной мёд, – оказалась выше всяких похвал.

– Подойди, – надменно бросил Отец Дружин содержателю. Тот мелко подшагнул вперёд, вновь принявшись беспрерывно кланяться.

– Остановись, у меня в глазах рябит, – поморщился О?дин. – Так ты, выходит, знаешь кто я? И кто такой Познавший Тьму?

– Конечно, конечно! – поспешно закивал хозяин, так часто, что Райне показалось – у него сейчас оторвётся голова. – Мы истинно знающие, мы ведаем о великих трудах и борьбе Хедина-милостивца и младшего брата его, Ракота-заступника, о том, как радеют они за всё сущее, как защищают нас, малых да слабых, от жутких чудищ, Хаосом насылаемых!

– Эвон оно как, – неподдельно удивился Старый Хрофт. – Расскажи мне больше, хозяин.

– Что угодно узнать великому О?дину, другу великого Хедина?

– Как вы вообще оказались так близко к Альвланду? Если поклоняетесь великому Хедину – значит, где-то поблизости есть его храм? Жрецы?

– Истинно так! – усердствовал трактирщик. – Альвы уже довольно давно позволили нам жить здесь, нам – это людям, гномам, ещё кой-кому, так, по

мелочи. С чего началось, уж и не упомнишь; говорят, чтобы легче торговать.

– С чего это вам от них разрешение понадобилось? – удивилась Райна. – Здесь не Альвланд. Свободные земли. Селитесь где хотите, живите как хотите. Не так разве?

– Эх, прекрасная госпожа, всё верно молвите, да только альвы – они такие… владения не их, точно, и за рубеж они носа, считай, не кажут, редкая редкость такое, однако ж… вот повелось так, что коль хочешь жить здесь – им поклонись. Пустое дело вроде б, плёвое, и в самом деле – нам они не приказывают, дани-выходы не берут, закон не навязывают. Повелось так, исстари, прекрасная госпожа. Не гневайся, да только мы люди маленькие. Надобен господам альвам тут торговый посад – оно и замечательно, нам жизнь спокойная, прибыльная. С альвами мир сполнять-держать нетрудно – коль встретишься, паче чаяния, не лезь в их дела, кланяться не забывай, и будет тебе щастье. – Он улыбнулся широко, хоть и несколько заискивающе. – Всевеликий Хедин, вот удача-то привалила! Никто не похвастается, что у него сам великий О?дин, друг Познавшего Тьму, столовался!

Райна усмехнулась.

– Поистине, счастливы те, кто может лицезреть воочию своих богов, ступающих по земной тверди. – В памяти очень кстати всплыла фраза, как-то сказанная Архимагом Игнациусом. Гнилой старик оказался, чего уж там, но говорить умел, надо отдать должное.

– Ты многому научилась в странствиях, дочка, – остро взглянул на Райну Старый Хрофт. Та лишь развела руками, мол, стараемся.

Трактирщик никуда не уходил, стоял, согнувшись в полупоклоне, беспрерывно потирая руки и столь же беспрерывно, как и бессмысленно, улыбаясь.

– Повествуй далее, – тоном и слогом, наиболее подходящим для «великого О?дина, друга великого Хедина», проговорил Отец Дружин. – Расскажи о вашем храме и о тех, кто там служит.

«Зачем это ему? – недоумевала про себя Райна. – Отец держится, словно за ним постоянно присматривает кто-то. Каждое слово, движение, взгляд – они не его.

Точно, не его. Как вступили в Альвланд – его словно подменил кто-то».

– Мал храм наш, – облизнул губы трактирщик. – Мал, но там витает дух Познавшего Тьму, великого и таинственного. Глубоко под землёй скрыт молельный зал, ибо из Тьмы вышел наш бог, и возлюбил Тьму, и явил всем, что нет в ней зла, кроющегося лишь в сердцах и разумах, но не в стихиях. И оттого почести ему должно возносить в недрах земли, вдали от солнечного света.

Старый Хрофт величественно кивнул.

– Складно говоришь, хозяин. Верно, и в самом деле сильно в тебе рвение. Что ж, окажу тебе ещё одну честь – ты проводишь меня и мою спутницу к вашему храму.

– Почту за великое счастие! – возопил хозяин, от полноты чувств бухаясь на колени. – И многомудрый Хенсби, первый жрец, ближайший к алтарю, также счастлив будет.

– Люблю делать простых людей счастливыми, – невозмутимо заметил Отец Дружин. – Тем более когда для этого надо всего-навсего доехать до храма моего друга, великого Хедина.

– Для чего нам это, отец? – вполголоса поинтересовалась Райна, когда беспрерывно кланявшийся хозяин наконец оставил их в покое. – Зачем нам в этот храм?

– Всё равно ждать ещё целых семь дней, – пожал плечами Старый Хрофт. – А я никогда особенно не приглядывался к этим «храмам Хедина и Ракота». Они были в Северном Хьёрварде, где мне довелось живать, но тогда они мало чем отличались от любых других храмов любых других божеств, что попадались мне на пути. Были жрецы, были служители… ничего особенного.

– Однако они точно знали, что бог Хедин – есть, – заметила валькирия.

– Те, кто призывал меня на помощь, тоже точно знали, что я – есть, – парировал Отец Дружин. – Забудем пока об Оружейнице, дочь. Съездим в гости к поклоняющимся моему другу Хедину…

* * *

Легко сказать – забудем об Оружейнице! Райна бессчётные века обходилась тем оружием, что попадало в руки – и магическим, и самым обычным; частенько приходилось драться и вовсе голыми руками. Бывало, она разбивала каменные кулаки забытых истуканов, сжимающих ненужные забытым богам мечи, от мощи которых хотелось зажмуриться; бывало – клала монеты на прилавок городского кузнеца, вешая на пояс немудрёный, но свободный от всяких чародейств клинок; бывало всякое, но никогда – никогда! – валькирии не удавалось добыть ничего, осененного светом сгинувшего Асгарда.

Иногда ей казалось это благословением – невозможно столетие за столетием вспоминать обратившийся в ничто родной дом. Иногда – проклятием. Броня валькирии, в которой она вышла на Боргильдово поле, давно сгинула, не осталось даже праха. Не осталось ничего – кроме неё самой.

И вот стараниями чужой и чуждой альвийки оружие Асгарда рождалось вновь. Всю ночь Райна вертелась с боку на бок, поминутно утирая пот, и слово «Асгард!» гремело у неё в ушах, словно боевые барабаны.

Клинки Древних Богов оживали вновь. Так сказал отец, а он знает, что делает, верно? По-иному и быть-то не может, правильно?

«Конечно. Несомненно. Всенепременно», – уверяла воительницу Райну валькирия Рандгрид.

Воительница колебалась.

Тем не менее наутро, в сопровождении дрожащего от почтительности трактирщика, взгромоздившегося на смирного низкорослого мула, Старый Хрофт и Райна двинулись в путь.

Даже не сам Альвланд, его близкие окрестности – оставались светлы, радостны, и даже кучка выстроенных на людской манер бревенчатых изб и гномьих каменных домов – низких, похожих на пещеры – не могла испортить здешних красот.

– Мы того, мы место своё тут знаем, – молол языком трактирщик, частенько повторяясь. – В дела альвов не встревай, шапку снять да поклониться не забывай, и всё хорошо с тобой будет. Ни тебе разбойников, ни тебе сборщиков податей, которые, ежели рассудить, ещё хуже разбойников. От татей хоть отбиваться можно, а коль мытаря поранишь под горячую руку – ой-ой, лучше и не думать. Так вот и живём мы тут, великий О?дин, да будет благословенен твой путь. Не любит лихой народ Альвланда, ой, не любит, в других местах зипунов ищет, а сюда не суётся.

– И что ж, выходит, служители Познавшего Тьму, великого Хедина с тем согласны, чтобы вы спины гнули перед альвами? Да ещё и не на их землях?

– А что ж нет? – искренне удивился трактирщик. – Земелька-то, она тут чья? – баронская. Значит, и закон их. А закон у них такой, что лучше б его и не было. Соки из народишка давят, а сюда, под горы, к рубежам Альвланда, не суются. Боятся, значит. А кому не нравится, дорога – вот она, под ногами. Топай себе на все четыре стороны, на хозяина злобного батрачить. А я так скажу – поклониться – от того спина-то, она не переломится. Им, альвам, приятно – ну и пусть. А я поклонился да своей дорогой иду. Зато тишина, покой, благодать.

– На всё твоя вольная воля, человече, – высокопарно изрёк Отец Дружин, подкручивая ус. – Скажи лучше, далеко ль ещё до храма?

– Совсем нет, великий. Вот здесь уже он, туточки.

К храму вела неприметная, но чисто выметенная и аккуратно замощённая дорожка. Ни оград, ни ворот, лишь застыло у поворота каменное изваяние – устремляющийся вверх коричневокрылый сокол, вытесанный из неведомого камня, напоминающего тёмный янтарь.

Нельзя сказать, что здесь было бы многолюдно. Боязливо, обходя О?дина с Райной сторонкой, проскользнуло целое семейство – муж, жена и четверо детишек мал мала меньше. Прошагал важный дородный гном, длинная седая борода заправлена под широченный узорчатый пояс. Протопала быстро стихшая при виде Отца Дружин компания половинчиков.

Все они направлялись к тёмной арке входа, вырубленного прямо в склоне каменистого холма. Арка, ряды серого камня, на камнях – вырезанные

голубоватые руны, светящиеся переливающимся, то угасающим, то вновь разгорающимся холодноватым огнём. Руны особые – их придумал сам Познавший Тьму, когда составлял азбуку для тайного наречия своих учеников.

Райне они ничего не говорили, Старый Хрофт же сощурился, словно пытаясь разобрать смысл надписи; посмотрел, хмыкнул и ничего не сказал.

– Мастер Хенсби сейчас выйдет, – заверил трактирщик. – Он не заставит столь почтенных гостей ожидать на пороге…

– Да уж, конечно, не заставлю, – прогудел вдруг низкий и зычный бас. В тёмном проёме входа появилась высокая фигура, закутанная в серый с чёрными языками, словно у пламени, плащ. Мастер был широкоплеч, но лицо – худощавое, щёки впалы, глаза прячутся под сросшимися на переносице кустистыми бровями. На шее золотая цепь с фигуркой взмывающего сокола.

– Великий О?дин, друг Познавшего Тьму, великого Хедина. – Жрец низко склонился, коснувшись пальцами земли. Несмотря на годы, он сохранил похвальную гибкость. – Великая честь и великая же радость для нас! Ты, спутник великого…

– Не стоит, мастер Хенсби. Ты должен знать, Старый Хрофт никогда не привечал славословящих. Быть может, ты покажешь мне с моей спутницей вверенный тебе храм?

– О, разумеется, конечно! Всё для друга и спутника великого Хедина! Для нас такая че… прошу прощения, великий. Смиренно прошу о снисхождении к невоздержанному языку моему…

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Старшая Эдда», «Речи Высокого», строфа 12. Перевод с древнеисландского А. Корсуна под редакцией М. Стеблин-Каменского.

2

В классической версии «Старшей Эдды» – «Перебранка Локи» – бог огня сперва устраивает перебранку на пиру у морского великана Эгира, оскорбляя асов, затем пускается в бегство, однако асы ловят его и подвергают наказанию – превращают в волка одного из его сыновей от брака с Сигюн, тот убивает своего родного брата, другого сына Локи и Сигюн, после чего Локи связывают кишками его собственного сына, а Скади, супруга Ньёрда, вешает над связанным богом огня ядовитую змею, яд которой непрерывно капает из раскрытой пасти. Несмотря на всё это, Сигюн остаётся верна Локи и неотлучно находится с ним, держа чашу над его лицом, куда и собирается яд, и лишь когда Сигюн опорожняет сосуд, капли яда касаются лица Локи, отчего он корчится в жутких мучениях. Считалось, именно этим объясняются землетрясения. Лишь после этого О?дин и асы узнают пророчество вёльвы, возвещающей грядущий Рагнарёк, уничтожение старого мира и гибель почти всех асов.

В моей версии событий, изложенной в книгах «Боргильдова битва» и «Молодой маг Хедин», пророчество вёльвы случилось до всех и всяческих «перебранок», так что Локи и асы вынуждены жить уже со знанием того, какой конец ждёт каждого из них. – Прим. авт.

3

«Старшая Эдда», «Прорицание вёльвы», строфа 17.

4

Великанша Лаувейя – мать бога огня Локи.

5

См. роман «Тысяча лет Хрофта», книга вторая, «Молодой маг Хедин», с. 59–65.

6

См. роман «Удерживая Небо», с. 314.

7

См. роман «Память Пламени», с. 33–34.

Купить: https://tellnovel.com/ru/nik-perumov/pepel-asgarda

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить